ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА
Четыре всадника раздора
АВАНТЮРНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Татьяна Викторовна Полякова

Четыре всадника раздора

Серия «Авантюрный детектив»
Серия «Девушка, Джокер,
Поэт и Воин», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51600016
Четыре всадника раздора:
ISBN 978-5-04-111528-9

Аннотация

Мы снова вместе, снова четверо, снова расследуем преступления – Джокер, Поэт, Девушка… и тот, кого совсем недавно мы считали нашим главным врагом, Черным Колдуном, – Клим. Воина больше нет с нами, его смерть я не могу ни забыть, ни простить, но с его утратой связано еще больше тайн и вопросов. А теперь судьба подкинула нам новое детективное расследование. Пропала Нелли, жена преуспевающего бизнесмена Зорина, она исчезла при невыясненных обстоятельствах, но это не самое главное. Оказывается, более десяти лет назад Зорин уже потерял первую супругу Аделаиду. Она увлекалась черной магией и эзотерикой и сама могла сбежать от опостылевшего супруга. Но слава героя сказки о Синей Бороде преследует Зорина, тем более что в его

и без того странном доме теперь творятся сверхъестественные дела – прислуга слышит стоны и вой в пустых комнатах, портрет бывшей хозяйки падает со стены, на ковре появляются кровавые пятна, а иногда по коридору гуляет призрак сгинувшей Аделаиды. Это дело явно по нашей части…

Татьяна Викторовна Полякова

Четыре всадника раздора

© Полякова Т.В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

За сплошной пеленой дождя море впереди едва угадывалось. Набережная была пуста, да и кому придет охота прогуливаться в такую погоду. Порыв ветра рвал зонт из моих рук.

Я подошла к парапету. Волны набрасывались на камни где-то внизу, я слышала шум, а перед глазами непроницаемая тьма. Черная дыра, где исчезает все: свет, звук, сама жизнь…

Ветер продувал насквозь, но уходить не хотелось. Странная блажь. Вымокнуть насквозь, подцепить простуду… Но при мысли оказаться в теплом уютном номере, выпить чаю, включить телевизор, чтобы слышать голоса – иллюзия присутствия людей рядом… так вот, при этой мысли все во мне возмущалось. Я словно спорила сама с собой: одна половина моего Я вполне здравомыслящая, а вторая… Второй половине хотелось сделать еще шаг и оказаться в темном ничто.

– Идиотка, – пробормотала я, злясь на себя, и поспешно отошла в сторону.

Здесь набережная заканчивалась, стоило внять здравому

смыслу и повернуть назад, но море точно притягивало.

По лестнице я спустилась на пляж, думая при этом: какого черта я делаю? В самом деле решила утопиться? Глупость… глупость все, чем я занята в последнее время. Одно то, что я приехала сюда, когда курортный сезон далеко позади…

Однако мне здесь нравилось: закрытые ресторанчики и магазины, которые вместо неоновых огней взирали на море глухими ставнями, как нельзя лучше соответствовали моему настроению. Мир вокруг словно впадал в спячку до самой весны, и мне хотелось того же: уснуть, не видеть, не слышать, чтобы с первым весенним теплом пробудиться полной сил…

Еще одна глупость. Положим, солнце будет светить, но что изменится?

Я прошла к навесу, где летом хранят шезлонги, сложила зонт, который все норовил вырваться из рук, и теперь смотрела прямо перед собой. Соленые брызги и сюда долетали, я зябко ежилась, но вдруг успокоилась, точно некий всезнайка шепнул: на самом деле ты все делаешь правильно.

Я криво усмехнулась, подставила лицо ветру и закрыла глаза. А когда открыла их, в нескольких метрах от себя обнаружила мужчину. Темнота обволакивала его, точно коконом, он, как и я, смотрел вперед, как будто меня не было рядом. Сгусток тени на фоне черного неба, а я в который раз отметила, уже не удивляясь, что не почувствовала его присутствия. Он из тех, кто появляется из темноты и в ней исчезает, бесшумно, невидимо… Сердце сжалось от боли, захо-

телось бежать отсюда со всех ног, но я упрямо стояла, глядя перед собой.

Поединок молчанием. Кто не выдержит первым? Ветер продувал насквозь, почему бы действительно просто не уйти?

Я сделала шаг, и тогда он сказал, не глядя на меня:

– Джокер хочет, чтобы ты вернулась.

– Я не вернусь.

Голос мой развеял ветер, я не была уверена, что он услышит. Но он услышал, шагнул ко мне и почти прокричал:

– Глупое упрямство.

– Конечно, что ж еще? – усмехнулась я. «Все, что я делаю, одна большая глупость», – мысленно повторила я едва ли не с удовлетворением. – Странно, что он выбрал тебя, – сказала я.

– Согласен.

Клим шел мне навстречу, тьма отступила, и теперь я видела его лицо. Красивое, отрешенное. Теперь тьма таилась в глубине его глаз. Он мог ухмыляться (улыбки я никогда на его лице не видела), но взгляд оставался таким, как сейчас: суровым, обвиняющим, непреклонным. Капли воды стекали с его волос, руки в карманах куртки.

– Ты зря потратил время, – сказала я.

Мучительно хотелось прижаться к нему, а еще плакать. Очередная глупость.

– Разве? – без усмешки спросил он. – Ты должна вернуть-

ся, так считает Джокер.

– Не понимаю, при чем здесь ты, – резко ответила я.

А он засмеялся, коротко и зло.

– Ты его ждала?

– Нет.

Сколько правды в этом ответе? И кому нужна эта самая правда?

– Не можешь ему простить, что он использовал тебя?

– Мы все кого-то используем.

– Мудрое замечание, – кивнул он.

Теперь Клим стоял совсем рядом, и взгляд мой заметался. Смотреть куда угодно, лишь бы не видеть его лица, его глаз.

– Думаю, он чувствует себя виноватым, – продолжил Клим, в голосе насмешка. Он ни секунды не верит в то, о чем говорит, и предлагает поверить мне. – А еще решил, что я могу повлиять на тебя. Из-за нашей недолгой любви, надо полагать.

Последние слова прозвучали откровенно издевательски. Вот я и не удержалась:

– Я спала не только с тобой, но и с Поэтом. Почему бы не отправить его?

– А с Бергманом – нет? Признаться, ты меня удивила. Я думал, ты спишь со всеми в вашей команде.

– Я неразборчива, – кивнула я. – И почему в «вашей» команде? Разве ты не занял место Воина?

– Так вот что тебя задело? – вновь усмехнулся он. – На

всякий случай: я не занял его место, у меня есть свое.

– Отлично. Всем привет.

Я направилась к лестнице, воюя с зонтом. Дождь понемногу затихал, я шла по мокрым плитам, торопясь оказаться подальше от этого места, прислушиваясь, в надежде уловить его шаги за спиной. Не может он ходить бесшумно. Или может?

Оказавшись под фонарем в сотне метров от гостиницы, я почувствовала чье-то присутствие, и с удивлением подумала: Клим?

Резко повернулась и успела увидеть силуэт мужчины. Он поспешно скрылся за углом магазинчика с закрытыми ставнями.

– Эй! – зачем-то крикнула я.

Никто не ответил. Но я знала, человек стоит в темноте, наблюдая за мной. Это не Клим. Я бы не почувствовала, что он рядом, если бы он этого не хотел. Тот, кто скрылся за углом, казался крупнее. Возможно, из-за куртки с капюшоном. В его фигуре было что-то знакомое. Клим приехал не один? Тогда с кем?

– Эй, кто вы? – крикнула я еще раз и, не дождавшись ответа, направилась к гостинице.

Гостиница была небольшой, всего-то двадцать номеров, но и те в большинстве своем пустовали. Женщина за стойкой регистрации смотрела телевизор.

– Да вы вымокли до нитки! – ахнула она, глядя на меня. – В такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит.

– Надоело сидеть в четырех стенах, – точно оправдываясь, сказала я.

– С погодой вам не повезло, – кивнула женщина. – Хотите чаю?

– Спасибо. Выпью в номере. Сначала душ приму.

– Это обязательно. Согреетесь…

Я уже поднималась по лестнице на второй этаж, где был мой номер со стандартным набором мебели.

Стеклянная дверь на балкон не была зашторена и сейчас выглядела черным провалом. Я торопливо подошла, еще не сбросив куртку, ухватилась за штору, взгляд упал на круг света под фонарем, и сердце вновь заныло, настойчиво и тревожно. В нескольких метрах левее, там, где свет не касался его, стоял Клим, и, вскинув голову, смотрел на мои окна.

И я замерла, глядя вниз, одной рукой все еще держась за штору, в большом искушении открыть дверь и позвать его. И пусть весь мир катится к черту. Но и он, и я стояли, не шевелясь, не спуская глаз друг с друга, пока он, вдруг резко повернувшись, не зашагал прочь. Искушение окликнуть его стало сильнее.

– Не уходи, – сказала я, но так тихо, что он вряд ли бы услышал, даже находясь в комнате. И в тот же момент поняла: кто-то из темноты все это время наблюдал за нами.

Я не видела его, но знала: он где-то там, возле эллинга.

Любопытный прохожий?

Я поспешно задернула штору, сняла куртку, повалилась в кресло и заревела, сама толком не зная причину своих слез. Оплакивала свою любовь, которой так и не суждено было сбыться? Гибель друга? Тоску по жизни, которую вела еще совсем недавно, которую проклинала, но другой жизни не мыслила? Наверное. Я оплакивала все и всех сразу, но легче от этих слез не становилось.

Вдруг возникло искушение позвонить Джокеру.

Я потянулась к мобильному, но тут же отдернула руку. Что я ему скажу? «Привет, Максимильян, как дела?» Почему бы и нет, кстати? Мы не ссорились, не расстались врагами… Не ссорились, просто я решила, что виноват во всем он. Небезосновательно, и все же не совсем справедливо.

Я поднялась и наконец заварила чай. Вновь устроилась в кресле, потом, точно опомнившись, прошла в душ, на ходу раздеваясь. Вода была горячей, от моего тела вскоре шел пар, а я стояла, упираясь руками в стену, и бестолково повторяла:

– Джокер, Джокер…

Он появился в моей жизни не так давно. Занятный парень, скромно называвший себя ангелом, правда, падшим. Ладно, встречаются и большие оригиналы. Но с Джокером все было очень непросто.

Мы встретились при довольно странных обстоятельствах. Заезжий гуру, на встречу с которым я забрела случайно, попросил меня остаться, каким-то чудом обратив на меня вни-

мание в толпе почитателей. И, к моему несказанному удивлению, сообщил следующее: в прошлой жизни четверо дали кровавую клятву встретиться вновь. Трое уже встретились и ждут меня.

Само собой, я была заинтригована, но так как считала, что возраст, когда верят в сказки, у меня уже давно миновал, на продолжение не рассчитывала. Но оно последовало, и вскоре я оказалась в компании троих мужчин, которые именам предпочитали прозвища: Джокер, Воин и Поэт. У них что-то вроде детективного агентства, вот мне и предложили присоединиться.

Спрашивается, какой от меня толк? Но Джокер, он же Максимильян Бергман, объяснил желание видеть меня в своей команде: все дело в неких способностях (весьма сомнительных, кстати), которые у меня есть. Таких, как я, принято называть экстрасенсами, хотя мне далеко до тех, кого показывают по телевизору.

Положим, найти человека, запертого в багажнике, мне бы труда не составило, я чувствую присутствие людей, могу считать их эмоции (это дало Поэту повод утверждать, что я читаю его мысли, вот уж чушь!). Беда в том, что управлять своими «талантами» я не умела, хотя Бергман и утверждал: это вопрос времени и тренировок.

В общем, я согласилась. Но это было далеко не все. Оказывается, мы не просто так встретились, у нас есть миссия, в которую свято верили трое мужчин. У меня подобное в го-

лове не укладывалось. Послушать их, так мы болтались по жизням (кто ж знает, сколько их было?) с одной целью: найти Черного Колдуна. Он, само собой, наш заклятый враг, и мы должны с ним покончить, чтоб наконец успокоиться.

Как вам такое? Я бы покрутила пальцем у виска, не тратя лишних слов, но кое-что этому мешало. Во-первых, сны, которые видели все, и я в том числе. Во-вторых, колода карт, бог знает как оказавшаяся у Бергмана (или он просто не желал отвечать на этот вопрос). Карты были старыми. Не потому, что выглядели потрепанными, я это знала, чувствовала. У джокера лицо Бергмана, у валета червей – лицо Поэта, то есть Димки. Крестовый король – Воин (его звали Вадим), а у дамы червей… у дамы червей мое лицо. И тут, как говорится, думай что хочешь. Впрочем, с этим я бы как-нибудь справилась, но стоило взять в руки свою карту, как начинались сны наяву, я как будто переносилась в другой мир, в иное измерение.

Бергман говорит: миров множество. Он вообще был не прочь поговорить, да я не особо слушала. Для меня все это было чепухой, хотя многое из того, что происходило, разумного объяснения так и не нашло.

В общем, мы ждали Черного Колдуна, и он не замедлил явиться. Клим. Однако у него была своя версия происходящего. В сказки, которые я слышала от Бергмана, он верил свято (это в голове тоже не укладывалось), но считал, что Джокер и есть Черный Колдун. Кстати сказать, на эту роль

он и в самом деле подходил больше других. Все окончательно запуталось, и тогда Бергман придумал довольно хитроумную комбинацию, чтобы заставить нашего врага открыться.

Сказка обернулась настоящим кошмаром, сначала я решила, что мы навсегда потеряли Бергмана, а потом погиб Вадим. С моей точки зрения, за странные фантазии пришлось заплатить непомерно высокую цену.

И я ушла. Вот только не знала, что делать дальше. Вернуться в родной город к маме? Я с трудом представляла подобное. В принципе, подойдет любой город… устроюсь на работу, начну новую жизнь…

Одна беда: старая не отпускала. Каждую ночь в своих снах я видела себя в том самом параллельном мире (или как там его назвать). Я как будто смотрела затяжной сериал, следующая ночь – новая серия. Почти всегда рядом был Вадим. Мы были хорошими друзьями в этой жизни, и любовниками в той. И я просыпалась в слезах, уже во сне зная: он погиб, мы никогда больше не встретимся… Может, поэтому сны теперь бесцеремонно вторгались в повседневную жизнь, и я вдруг растерянно задавалась вопросом: это мои чувства? Или той, другой Елены, которую Бергман то ли в шутку, то ли всерьез назвал Еленой Троянской. Или Еленой Прекрасной…

Пару раз я думала обратиться к врачу, но тут же понимала всю бессмысленность подобного шага. Все, что он скажет, я ежедневно говорю сама себе. А вдруг, кроме этой реальности, есть какая-то еще?

Я выключила душ, довольно громко ответив на свой мысленный вопрос:

– Белая горячка…

Завернулась в полотенце и вышла из ванной, приблизилась к окну, чуть сдвинула штору. Желтый пятачок света под фонарем. Я быстро натянула теплый свитер, джинсы, резиновые сапоги, купленные вчера в местном магазинчике, и дождевик. Взглянула в зеркало. В таком виде на темной улице я буду похожа на привидение.

Через несколько минут я покинула номер.

Увидев меня, женщина на ресепшене решит, я спятила. По этой причине я предпочла выход на пожарную лестницу. Дверь запиралась на ключ, он торчал в замке.

Ветер едва не сбил меня с ног, когда я вышла на лестницу. Держась за перила, спустилась вниз. Проходя мимо окна ресепшена, я пригнулась.

На набережной по-прежнему ни души. Я прошла сотню метров, и вот тогда почувствовала его. Оглянулась. Никого поблизости. Он мог быть рядом, затаиться в темноте.

– Клим? – крикнула я. Мне хотелось, чтобы это был он. Но темнота молчала. – Эй! – куда тише произнесла я. – Я знаю, что ты здесь.

Тишина. Только дождь стучал по крыше соседней палатки да волны накатывали на валуны внизу.

– Или выходи, или убирайся к черту!

Интересно, что бы подумал случайный прохожий, наблю-

дая за мной? Решил бы, что я спятила? И был бы прав. После душа следовало лечь в постель, а не шляться под дождем. Но я упорно направилась к пляжу, и вскоре различила шаги. Едва слышные. Я ждала, когда он приблизится, но он держался на расстоянии. И когда я оборачивалась, шаги мгновенно стихали, а за спиной была лишь темнота. Он играл со мной.

– Сукин сын, – пробормотала я и, миновав очередной фонарь, развернулась и быстро пошла назад, почти бежала.

Ни шагов, ни чувства, что кто-то есть за спиной. Он исчез. Впрочем, учитывая обстоятельства, не так-то это и трудно. Кто бы ни был этот человек, он не хотел, чтобы я его видела.

Я вернулась к гостинице, но еще некоторое время сидела на нижней ступеньке лестницы, точно зная: из темноты за мной наблюдают.

– Как хочешь, – усмехнулась я и стала подниматься на второй этаж, на ходу достав ключ.

Стоило мне закрыть глаза, как я увидела Вадима. Даже успела подумать: он здесь, сидит возле кровати. Это было так явственно, что захотелось поднять голову с подушки, коснуться его… Помнится, поначалу я так и делала, каждый раз испытывая горькое разочарование оттого, что рядом никого нет.

– Привет, – шепнула я, а он улыбнулся. Наклонился и легонько коснулся моих губ. – В психушку тебе дорога, – сказала я и добавила на всякий случай: – Это я себя имею в виду.

И опять заревела, упрямо сжимая веки, не желая видеть пустую комнату. Протянула руку, и пальцы зависли в пустоте, но мне все равно казалось: они коснулись его теплой ладони.

– Я тоскую по тебе, – вздохнула я и точно провалилась в черную пустоту.

А потом вдруг вспыхнул свет, и я увидела, как Вадим идет навстречу.

– Я с тобой, – сказал весело, откидывая со лба волосы, и засмеялся. – В этой жизни, и в любой другой, будь они неладны.

Утром проглянуло солнце, но это настроения отнюдь не улучшило. Позавтракав, я позвонила маме. Потом отправилась на прогулку, других идей не было.

На набережной появились редкие отдыхающие, с каждым днем их становилось все меньше. Небольшой курортный городок, еще недавно шумный, пустел на глазах. Один из ресторанчиков на набережной работал, я устроилась за столиком, выпила кофе, смотрела на море, теперь спокойное. Ветра не чувствовалось, день обещал быть теплым. А я в который раз задавалась вопросом: сколько еще протяну здесь? И что делать дальше?

Мысли о вчерашней встрече я упорно гнала прочь. Хотела ли я вернуться? Нет. Рядом с Бергманом чувство вины лишь усилится. В гибели Вадима я винила не только Максимилья-

на, но и себя. Наверное, себя даже больше. Я должна была что-то сделать, повлиять на них. Хотя в глубине души знала – это бесполезно. Они уверены, что выполнили миссию, а я не верю даже, что эта миссия существовала.

Вскоре я поймала себя на том, что присматриваюсь к редким прохожим, исподволь наблюдая за официанткой и барменом. Никому не было до меня дела, а я пыталась отгадать: тот, кто сопровождал меня вчера во время вечерней прогулки, все еще здесь?

Может, все это от безделья? Появление неизвестного вносит разнообразие в мою никчемную жизнь? Да и шел ли кто-то в действительности за мной? Не было ли это игрой воображения? Клим… Подобное поведение не в его стиле. Но под окном он стоял.

«Почему я не позвала его? – задала я себе вопрос и незамедлительно ответила на него: – Потому что время дурацких поступков прошло».

Расплатившись, я отправилась дальше по набережной, солнце вскоре спряталось, заморосило, а я укрылась в кинотеатре. Посмотрела фильм в компании четырех подростков, которые, должно быть, тоже не знали, чем себя занять, вернулась в гостиницу, до ужина читала, потом вновь отправилась на прогулку. С набережной меня прогнал разошедшийся дождь.

В гостиницу я вошла, стаскивая дождевик у двери, чтобы в холле не образовалась лужа.

– Опять ливень, – сказала я женщине на ресепшене.

Само собой, она и без меня это знала, но я считала, что должна что-то сказать, к тому же затяжное одиночество уже тяготило, хотелось просто услышать чей-то голос.

Администратор, звали ее Люба, выглядела непривычно сдержанной.

– Да, – ответила неуверенно, взгляд ее метнулся в сторону, туда, где возле панорамного окна стоял диван и два кресла. В одном из них, спиной ко мне, сидел мужчина, на столике перед ним чашка кофе. – Это к вам, – быстро проговорила Люба, вздохнув с облегчением.

Я кивнула, повесила дождевик на вешалку и направилась к креслу, уже зная, кого увижу.

Бергман сидел, закинув ногу на ногу, уткнувшись в планшет. Может, он так увлекся, что нашего диалога с Любой не слышал? Сомневаюсь. Он поднял голову, взглянул на меня и улыбнулся.

Некоторая маета администратора стала понятна. Бергман умел производить впечатление, даже если был одет в джинсы и футболку. Сейчас он был в темно-сером костюме и белой рубашке, впрочем, даже определение «белоснежная» страдало бы неточностью, она была ослепительной белизны. Галстук в полоску и, разумеется, запонки. Крупные черные камни, загадочно мерцавшие на фоне манжетов. Думаю, Любу это и доконало. Или все-таки взгляд Бергмана? Глаза его сейчас казались такими же темными, как камни запонок, и так

же странно мерцали, точно вбирали в себя свет, навсегда похоронив его в своих глубинах.

Сейчас я не смогла бы назвать его лицо красивым, уж очень оно тревожило, и тревога эта быстро переходила в страх. Люди всегда боятся того, чего не в силах понять. На самом деле глаза у него синие, и эта бездонная темнота и странное мерцание – не более чем игра света.

Бергман поднялся, сказал «привет» и легко коснулся губами моей щеки.

– Привет, – ответила я. – Давно ждешь?

– С полчаса.

Представляю, что за это время пережила Люба.

– Ты мог бы позвонить.

– Я никуда не спешу, – пожал он плечами.

Я покосилась на администратора и сказала со вздохом:

– Идем в номер. Или сначала выпьешь кофе? – указала я кивком на чашку.

– Кофе здесь – страшная гадость, – вздохнул он.

Мы поднялись по лестнице, я впереди, он сзади, прихватив свое пальто, небрежно брошенное на соседнее кресло. И он, и я предпочли молчать.

Войдя в номер, Бергман огляделся, повесил пальто и замер у двери, точно в нерешительности. Вряд ли в самом деле так: эта самая нерешительность ему совсем не свойственна.

– Садись, – я указала на единственное кресло.

Сбросив обувь, устроилась на кровати, поджав ноги и су-

нув подушку за спину. Бергман сел, взглянул в упор и сказал:

– У нас новое дело. Пора приступать.

Я отвела взгляд в сторону, поймав себя на том, что кусаю губы. Дурацкая привычка.

– Вы справитесь без меня, – зачем-то сказала я.

– Нет, – просто ответил Бергман.

– Справитесь. Пользы от меня немного.

– Напрашиваешься на комплимент? – улыбнулся он.

Его улыбка могла растопить льды Ледовитого океана, но взгляд оставался прежним.

«У Бергмана лицо ангела, – мысленно усмехнулась я. – Правда, падшего». Не зря он так себя называет.

– Максимильян, – вздохнула я. – Ты прекрасно знаешь… вчера я уже все сказала Климу. Кстати, довольно странный выбор посланника. – Я попыталась произнести это ровным голосом.

– Я подумал, вам есть что сказать друг другу, – пожал он плечами.

– Да? – против воли я начала злиться. – И что же?

– Ну… – Он пожал плечами. – Тебя останавливало то, что он наш враг. Теперь мы знаем, что это не так.

– Сомневаюсь, что теперь мы станем друзьями.

– Ты винишь нас в смерти Вадима, – начал он, а я перебила:

– Да. Виню. И себя, и вас. Тебя больше, чем других. Из-за твоих дурацких сказок погиб человек, которого мы все

любили. Я не ошибаюсь? Он ведь был дорог тебе?

– То, что ты называешь дурацкими сказками… – начал он с легкой усмешкой, чем вывел меня из терпения.

– Я не хочу слышать всю эту хрень! Понял? Нет ничего важнее человеческой жизни, – сказала я уже спокойнее.

– Очень многие с тобой не согласятся.

– Мне плевать.

– В тебе говорит обида. Ты не ожидала, что врагом окажется Вадим. Ведь ты любила его. Но враг от этого не перестает быть врагом.

– Он спас меня.

– Да. Но это тоже ничего не меняет.

– Вот как?

– Мы должны следовать своему предназначению, – сказал Бергман. Голос звучал мягко, точно он разговаривал с ребенком или тяжелобольным. – Вадим это понимал.

– Звучит двусмысленно, не находишь?

Максимильян пожал плечами.

– Допустим, все так, как ты говоришь, – после паузы задиристо начала я. – Мы спасли мир от Черного Колдуна, честь нам и хвала. Миссия выполнена. Какого лешего нам держаться вместе? Может, стоит каждому идти своей дорогой?

– С чего ты взяла, что все кончено? – очень серьезно спросил Бергман.

Я нервно хохотнула.

– Что, есть еще враги? Какой-нибудь очередной колдун?

С минуту он смотрел на меня, вряд ли потому, что не знал ответа, во взгляде его была печаль, словно я вынуждала его произнести то, о чем он предпочел бы молчать.

– Во скольких делах ты принимала участие? – спросил он. – В четырех, если не ошибаюсь.

Бергман не ошибался, о чем мы прекрасно знали, но он держал паузу, ожидая ответа, и я ответила с досадой:

– Да. И что?

– В двух из них речь шла о серийных убийцах. – Я кивнула, вдруг почувствовав беспокойство. – Не слишком ли высок процент?

– Это случайность, – пожала я плечами.

– Думаешь?

– О чем ты? Я не понимаю.

Бергман, подавшись вперед, прочертил пальцем линию на консоли, вроде бы машинально, точно задумавшись о своем. Но через мгновение заговорил:

– Мир света неизбежно сталкивается с миром тьмы. Мы – стражи, призванные охранять границу. Кто-то из тварей прорывается в этот мир. Наша миссия – остановить их. Пока еще не поздно.

Признаться, от этих слов мне стало не по себе. Слишком убежденно это прозвучало, как будто он не просто был уверен в этом, а знал наверняка.

– Занятно, – усмехнулась я. – Теперь у нас другая миссия?

– Все та же, – улыбнулся он. – Он был одним из них. Воз-

можно, самым опасным, но точно не единственным.

– Вот как, – покивала я, не зная, что сказать на это.

– Возвращайся, ты нам нужна, – сказал он, а я усмехнулась.

– Нам?

– Мне, – помедлив, ответил он. – Ты очень нужна мне. Поэту, безусловно, тоже. С Климом сама разберешься.

– Помнится, ты хорошо знал, какой я должна сделать выбор.

– Я и сейчас знаю. Но предпочитаю, чтобы ты сделала его сама. И причина тебе известна.

– Хорошо. Я подумаю, – сказала я, самой себе удивляясь.

– Сколько тебе понадобится времени? – спросил он, поднимаясь.

– Не знаю. В любом случае, тебе не стоит здесь оставаться. Я позвоню, обещаю.

– Что ж… – Он шагнул к двери, повернулся, вспомнив о пальто, наклонился ко мне с намерением поцеловать на прощание, а я сказала:

– Он мне снится каждую ночь.

С минуту мы смотрели в глаза друг другу, потом он молча кивнул, словно соглашаясь, направился к двери и, уже взявшись за ручку, сказал:

– Мне тоже.

Я вскочила с кровати, шагнула к нему, торопливо обняла, уткнувшись в плечо. Он гладил мою спину, сказал с печалью:

– Все устроится, потерпи.

Ни он, ни я не разжимали рук, но в этом объятии не было ничего сексуального, мы были точно дети, которые искали защиты друг у друга.

Бергман слегка отстранился, провел ладонью по моей щеке и поцеловал меня в лоб, а я напомнила себе, что он великий манипулятор.

– Ты на машине? – спросила я.

– Взял в аренду в аэропорту. Стоит под окнами.

– Будь осторожен. Дороги здесь скверные.

– Жду твоего звонка, – кивнул он и через мгновение закрыл за собой дверь.

Стоя возле окна, я видела, как он вышел из гостиницы и направился к машине. Он шел, глядя перед собой, глубоко задумавшись, по крайней мере, именно такое впечатление производил, но перед тем, как устроиться за рулем, нашел взглядом мое окно и с улыбкой помахал рукой на прощание.

Я помахала в ответ, силясь улыбнуться, и тут же пожалела, что не уехала с ним. Я могу позвонить, он вернется, и мы отправимся вместе. Но я знала, что не позвоню. Вадим был его другом, и то, что случилось… Мне хотелось верить: он сказал правду, ему так же больно, как и мне. И вместе с тем не давал покоя давний вопрос: способен ли Бергман испытывать эти самые чувства?

– Расчетливый, сукин сын, – в досаде буркнула я, а голос внутри меня ехидно осведомился: «Злишься, что он не за-

печатлел на твоих устах любовный поцелуй?»

Неужто в самом деле так? Однако сейчас куда больше меня беспокоило другое. Слова Бергмана о стражах пограничья. Очередная бредовая идея, которую он придумал между делом, чтобы меня вернуть? Но зачем я ему? Джокер просто нуждается в подопытных кроликах или за всем этим действительно что-то есть? Что? Разумеется, тот факт, что дважды нам пришлось столкнуться с настоящими маньяками, не более чем случайность… А если все-таки нет? В любом случае, благодаря нам они сейчас в тюрьме, разве не это главное? Я пытаюсь найти в жизни смысл, а он лежит на поверхности.

Выходит, я должна вернуться? А как же Вадим? Сделать вид, что охота на преступников куда важнее его гибели? По крайней мере, теперь Бергману нет нужды повторять свои нелепые сказки, если уж с Черным Колдуном покончено. Никаких прошлых жизней, никаких Поэтов, Девушек и Джокеров, мы обычные люди с обычной работой.

– Ты сама-то в это веришь? – нервно хихикнул внутренний голос.

Всю ночь я не спала, а поднявшись задолго до завтрака, быстро собрала вещи и вызвала такси. Билет купила по дороге в аэропорт.

Конец октября в средней полосе России далеко не лучшее время. Дождя не было, но все краски вдруг куда-то исчез-

ли, оставив лишь один цвет – серый, вызывавший зевоту и уныние. Только в такси я вспомнила: в квартире, в которой я жила, теперь другие люди. Квартира принадлежала моей подруге, а я, уезжая, вовсе не планировала вернуться, о чем и поставила ее в известность.

– Черт, – досадливо буркнула я. – Придется заняться поисками квартиры.

Я достала мобильный и набрала номер Бергмана.

– Привет, – сказал он, в голосе чувствовалось напряжение.

– Я в городе, – сказала я.

Мне показалось, или он вздохнул с облегчением?

– В аэропорту? Я сейчас приеду.

– Я в такси. Сниму номер в гостинице и к обеду буду у тебя.

– В гостинице? Ах, ну да… Послушай, зачем все эти сложности, ты можешь жить у меня. Я буду только рад. Обещаю не досаждать своим присутствием во внерабочее время. Идет?

– Звучит заманчиво, – усмехнулась я. – Правда, есть еще Лионелла.

– Которая отлично готовит.

– Рискую набрать лишние килограммы. Спасибо за приглашение, пожалуй, я им воспользуюсь. Честно сказать, гостиницы мне уже осточертели.

Насчет гостиниц – чистая правда, но ничего бы со мной не случилось, поживи я там еще неделю, а за это время кварти-

ру бы нашла. Но я согласилась жить в доме Бергмана. С какой стати, интересно? Надо было спросить, Димка тоже там живет? А Клим? Нет, в такое трудно поверить. Хотя…

Остаток пути я изводила себя вопросами, на которые по большей части ответов не знала. Наконец я вышла из такси, перешла дорогу и оказалась возле дома Бергмана.

В городском фольклоре он фигурировал как «дом с чертями». В этом я усматривала иронию, хотя, вполне возможно, то была народная мудрость. Как знать. Таким прозвищем дом обязан горгульям на крыше, которых человек неискушенный мог принять за чертей. Здание в готическом стиле для здешних мест редкость, лично я другого такого не знала. Воплощение фантазий толстосума, построившего его больше ста лет назад. Похоже, он приходился Бергману родственником. Впрочем, в этом я вовсе не была уверена, не в родстве с бывшим хозяином особняка, а в том, что знала хоть что-то достоверное о Бергмане. Все мои попытки в этом направлении терпели полный крах. Помнится, Вадим не раз говорил, если Бергман не хочет, чтобы об этом знали, никто не узнает. И оказался прав.

Все сведения сводились к следующему: Максимильян появился в этом городе несколько лет назад. Выкупил у городских властей особняк, находившийся в запустении, отреставрировал его, на первом этаже открыл букинистический магазин, остальные были в его личном пользовании. Жил он в доме вдвоем с Лионеллой, строгой дамой за семьдесят, ко-

торая выполняла всю работу по дому, а Максимильяна именовала не иначе как хозяином. В букинистическом магазине, который тоже был весьма необычным, делами заправлял симпатичный старичок, Василий Кузьмич. С ним мы дружили. Лионелла, кажется, меня терпеть не могла. Впрочем, всех остальных членов команды, скорее всего, тоже, не считая обожаемого хозяина, разумеется.

Задрав голову, я некоторое время разглядывала горгулий на крыше. Временами казалось, что они двигаются. Или вдруг подмигнут. Разумеется, это просто фантазии, но сейчас я вдруг подумала: что-то с ними не так. Та, что была ближе ко мне, вдруг совершенно явственно кивнула.

– Охренеть, – сказала я в большой печали, всерьез начав сомневаться в своем душевном здоровье, и ехидно добавила: – Ну и рожи у вас, подружки… – И направилась к калитке.

Дверь мне открыла Лионелла. Темно-серое платье, аккуратная прическа. Невероятно, но на ее обычно строгом лице появилось нечто подобное улыбке: губы дрогнули и чуть раздвинулись в стороны. Признаться, это произвело впечатление, похоже, я замерла с открытым ртом.

– Проходите, – сказала старушенция.

– Здравствуйте, – она кивнула, а я съязвила: – Помнится, вы не раз напоминали о хороших манерах.

– Рада, что вы вернулись, – в отместку заявила она. – Без вас в моей жизни явно чего-то не хватает.

– Чего-то хорошего, надеюсь?

– Не обольщайтесь, – отрезала она.

– Слава богу, значит, в этом мире мало что изменилось.

– Хозяин просил вас накормить, – заявила она, а я ответила:

– Спасибо, обойдусь. Где он, кстати?

– В кабинете. Вместе с Поэтом и… тем человеком.

– Вы Клима имеете в виду?

Я поднималась по лестнице с чемоданом, Лионелла следовала за мной, что позволило нам продолжить разговор.

– Я бы советовала вам проявить осторожность.

– Хозяину вы дали такой же совет?

– Он не нуждается в моих советах, – заявила Лионелла.

Я вздохнула, притормозив, и повернулась к ней.

– А я, по-вашему, в них нуждаюсь?

– Женщины редко думают головой, – осчастливила она.

– Это вы сейчас о ком?

– О вас, разумеется. Время моих безумных поступков прошло безвозвратно.

Возразить на это было нечего, и я вновь вздохнула.

– Это ли не преимущество зрелого возраста.

– Не уверена.

– Я у вас недолго поживу, – решила я ее порадовать.

– На вашем месте я бы не спешила. Рядом с хозяином вы, по крайней мере, в безопасности.

– И какая опасность мне грозит?

– Почему бы вам не пройти в вашу комнату? Она готова…

Я зашагала дальше, но от язвительности удержаться не могла:

– Вы быстро управились, учитывая, что позвонила я полчаса назад.

– Хозяин отдал необходимые распоряжения еще вчера.

– Ах, ну да, он же у нас провидец.

Лионелла распахнула дверь комнаты, но вместе со мной входить не стала.

– Я сообщу хозяину, что вы будете у него через двадцать минут. Этого времени хватит?

– За глаза. То есть, я хотела сказать, более чем.

Губы Лионеллы вновь подозрительно дрогнули.

– Добро пожаловать, – сказала она без намека на иронию. Хотела закрыть дверь, а я заметила:

– Кстати, это самая длительная наша беседа за все время.

Именно так и было. Разговорами меня Лионелла удостаивала редко и обычно обходилась десятком фраз.

– Наверное, мы успели соскучиться, – на полном серьезе ответила она и удалилась. А я головой покачала:

– Чудеса.

Быстро распаковала чемодан. Вещей у меня самый минимум, с некоторых пор я считала отсутствие барахла одним из признаков свободы. В этом мы точно не сходились с Бергманом. У него не дом, а пещера Али-Бабы со множеством диковин (магазин внизу в этом смысле ничем не уступает жи-

лым помещениям). Впрочем, у меня и дома-то нет. И обзаводиться им я не собираюсь. Обойдусь съемным жильем.

Я отправилась в душ, после чего надела чистую футболку и домашние брюки. Не удержалась и посмотрела в зеркало. Собрала волосы в хвост. В таком виде меня вряд ли кто примет за Елену Прекрасную. Однако кое-что смущало. Лицо при полном отсутствии косметики было очень ярким. Может, раньше я просто не обращала на это внимание? Другая девушка такому обстоятельству, безусловно, порадовалась бы, а меня это, скорее, пугало. Как и любое отклонение от нормы. Я хотела быть обычным человеком в привычном мире, но с некоторых пор это было не так просто.

– Ерунда, – заявила я девице в зеркале, и поспешила покинуть комнату.

В доме было два кабинета, один личный (вот уж где глаза разбегались от всяких редкостей), другой предназначался для встреч с клиентами. Там все говорило о статусе хозяина, но вовсе не о его личности. Бергман сказал, у нас появился клиент, однако о наличии в доме гостя Лионелла не сообщила, значит, мужчины, скорее всего, в кабинете по соседству.

Я без стука распахнула дверь и удовлетворенно кивнула: с выбором я угадала. Бергман сидел за столом в рубашке без галстука и бархатной стеганой куртке с шелковым воротом. Темные волосы зачесаны назад. Серый свет робко заглядывал в окно, и теперь глаза Бергмана казались куда светлее: два ярких сапфира на фоне смуглой кожи.

– С приездом, – сказал он, поднимаясь мне навстречу.

Мы обнялись, точно не виделись долгое время, а я его поцеловала. Не знаю зачем. Меня так и подмывало сделать то, чего обычно делать я избегала. Бергман в ответ погладил меня по голове отеческим жестом, отчего мне тут же захотелось сказать ему гадость. Но я сдержалась. Пожалуй, хватит глупостей на сегодня.

Димка, до моего появления сидевший в кресле, по обыкновению уткнувшись в ноутбук, вскочил и с радостной улыбкой кинулся ко мне. Но после моей выходки с поцелуем заметно помрачнел.

– Привет, – сказал он, когда Бергман уступил ему место.

Особо не заморачиваясь, его я тоже поцеловала. Бергман при этом едва заметно усмехнулся, а вот Димка явно не знал, как реагировать, однако подобрел совершенно точно.

– Рад тебя видеть, – заявил он. – Я ужасно скучал.

– Я тоже, – кивнула я, стараясь не смотреть влево, где в кресле вполоборота ко всем сидел Клим, наблюдавший за всем этим с кривой ухмылкой.

Он не поднялся, ничего не сказал, а я подумала: «Неужто весь этот цирк я для него устроила?», молча кивнула и удостоилась кивка в ответ. В моих объятиях он не нуждался. Вот и хорошо.

Я устроилась в кресле у окна, демонстрируя оживление, и сказала:

– Лионелла сегодня необычайно разговорчива.

– Просто все очень рады твоему возвращению, – улыбнулся Бергман.

– Это точно, – поддакнул Димка. – Не знаю, что бы мы делали без тебя.

Клим с равнодушным видом смотрел в окно, не собираясь принимать участие в разговоре.

– Чем занималась? – не удержался Димка.

– Ничем, – вздохнула я. – Делала вид, что ищу смысл жизни. Но в основном смотрела сериалы.

– Значит, неплохо отдохнула, – кивнул Бергман.

– Можно и так сказать.

– Отлично. Тем более что нам предстоит работа.

– Новое дело?

– Да. К нам обратилась Боровская Евдокия Семеновна. – Бергман перевел взгляд на Поэта, предлагая ему продолжить.

К тому моменту Димка успел устроиться в кресле и, положив ноутбук на колени, открыл записи. Выглядел Димка лет на двадцать с небольшим, хотя был гораздо старше. С Бергманом они познакомились, когда у Поэта возникли крупные неприятности. Он – хакер, причем из тех, кто способен добыть любые сведения. С тех пор свои способности он использовал исключительно в целях расследования, хотя наверняка закон по-прежнему нарушал. Но деньги зарабатывал вполне легально. К одежде был равнодушен, за руль садился неохотно, а когда была в том нужда, обходился своей старой тачкой,

так что его банковский счет рос на глазах.

«Вот у Вадима деньги не задерживались, – подумала я. – Он тратил их с удовольствием».

Димка же точно не знал, куда их деть. Жил, как и я, на съемной квартире, предпочитая общественный транспорт, а новую футболку покупал, когда старая уже никуда не годилась. Сейчас он был одет в джинсы и черную рубашку-стретч, подчеркивающую его отличную фигуру. Логотип на кармашке сбивал с толку.

– Классная рубашка, – заметила я.

Димка посмотрел удивленно, потом, точно что-то вспомнив, ответил:

– Джокер одолжил. Вчера забыл свою выстирать.

«Значит, в этом мире мало, что изменилось, – удовлетворенно подумала я, а Димка продолжил:

– Итак, Боровская Евдокия Семеновна. Оперная певица, между прочим. Меццо-сопрано. Звезда нашего театра. Правда, уже на пенсии. Перенесла операцию на горле и… в общем, петь уже не могла. Замужем за крупным чиновником, он много чего возглавлял, был мэром родного города, председателем областного суда… Не буду перечислять все, скажу только, дядя скончался несколько лет назад, оставив Боровскую богатой вдовой. Вторично замуж она не вышла, хотя охотники бы наверняка нашлись. О личной жизни сведений никаких, нам она сказала, что одинока. Месяц назад пропала ее дочь, Зорина Нелли Иосифовна, двадцать восемь лет. За-

мужем за Зориным Максимом Александровичем, бизнесменом. Ему сорок четыре года, и это его второй брак. От первого брака – дочь-подросток, зовут Инга, ей четырнадцать. По мнению Боровской, девчонка замкнутая, держится особняком, хотя хлопот родителям не доставляет. Я проверил, учится хорошо, но подруг у нее, судя по всему, нет, как нет и странички в соцсетях, а это нынче редкость.

Я слушала Поэта, исподволь наблюдая за Климом. Он продолжал сидеть вполоборота с довольно отстраненным видом, точно и Димкины слова, и все происходящее совсем его не интересовало. Однако он был здесь. И хоть Бергман никак его присутствия не объяснил, но то, что он был среди нас, само по себе показательно. И понять это можно лишь в одном смысле: он член команды, то есть занял место Воина?

Как правило, на задание Вадима отправляли в моей компании. А что теперь? Неужто Бергман в самом деле, сочтет замену приемлемой, и нам придется работать вдвоем с Климом? Оставаться наедине? Бергман спятил. Хотя… ему-то что до моих терзаний? И с какой стати, по его мнению, мне терзаться? Девушка должна сделать выбор…

Девушка – это мое прозвище, дурацкое, согласна, но я успела к нему привыкнуть. Так вот, Бергман утверждал, что от меня многое зависит, и я должна сделать выбор. Только не спрашивайте, какой в этом смысл. Понятия не имею.

Если верить все тому же Бергману, только я могла решить, кто есть кто. Рядом со мной лучший друг, злейший враг и

любовник. Никто, похоже, о своей роли наверняка не знает, никто, кроме Клима. Он-то в себе уверен, и в моих подсказках не нуждается. Он мой враг, который в прошлой жизни любил меня. А я его предала. Вот как-то так. За что он меня ненавидит до сих пор или все еще любит. По-моему, он сам толком не разобрался.

Я вновь покосилась на него. Клим предпочитал черный цвет, и сейчас был одет во все черное: костюм, тонкий джемпер. Если Джокер зачастую выглядел щеголем, то Клим чересчур консервативно. Впрочем, в светлой одежде представить его затруднительно. Возле него и сейчас сгущались тени, словно он их притягивал. Он пугал и будоражил воображение не меньше, чем Джокер. Вот только выглядел куда мрачнее.

Красивое лицо без возраста. Ему могло быть и тридцать, и сорок. Если верить паспорту, тридцать пять, но, имея дело с таким типом, кто ж поверит паспорту? Тем более что из того же документа следовало: он не Клим, а Танатос Гунар Станиславович. Климом он именовался, когда мы шастали в другом мире. Можно было счесть это блажью (ну, придумал себе человек прозвище, и что?), однако фамилия по паспорту вызывала еще больше вопросов. Танатос – бог смерти, и я подозревала, что назвался он так не случайно, не зря тьма следует за ним неотступно. В колоде карт он туз пик.

Кажется, он заметил, что я за ним наблюдаю, и криво усмехнулся, не глядя в мою сторону. А я продолжила свои

невеселые размышления. Если Джокер и надеялся, что я сделаю правильный выбор, то зря. Дважды я его разочаровала. Первый раз закрутила роман с Димкой, а второй… в общем, одна встреча с Климом закончилась постелью. И, похоже, с выбором я опять намудрила. А коли так, отчего бы не подсказать глупой девице, кто ее суженый? Если таковой есть в наличии?

Так нет, Бергман помалкивает. Не желает на меня давить. Лично у меня вопрос: если он все знает заранее, какого лешего мне напрягаться? И к чему сейчас все это, когда наша главная миссия позади? Предположим, мы стражи границы, но так ли теперь важно, кто есть кто?

«Этот сукин сын просто не может обойтись без загадок», – с раздражением подумала я, глядя на Бергмана.

Он тоже посмотрел на меня внимательно. А в моей черепной коробке вдруг всплыл ответ: потому что на самом деле ничего не закончилось. У меня очередные глюки, или он внушением занимается? Да еще мои мысли читает? С него станется. Все, что касается Бергмана, однозначному определению не поддается. Может, он жулик, а может, падший ангел. И то и другое равно приемлемо. В его способностях я могла убедиться, но они иногда так тревожат, что я предпочитаю думать: передо мной ловкий фокусник, гипнотизер и махинатор. Вопрос: если все так, то почему я здесь? Да потому, что в определениях, мною же придуманных, я сомневаюсь. Очень хотелось разгадать его загадку, но я не без ос-

нований полагала: вряд ли на этот раз я продвинулась дальше, чем в предыдущие.

Димка между тем продолжал читать, а я попыталась сосредоточиться на его словах.

– Теперь главное, – сказал он. – Отчего, собственно, почтенная дама к нам и обратилась. У нее возникли подозрения, что зять причастен к исчезновению дочери. То есть они у нее были всегда. Но сейчас она не только убеждена в его вине, но и считает: зять препятствует ведению следствия.

– Это как? – подала я голос.

– Если верить Боровской, в друзьях у него начальник следственного комитета. И на самом деле ее несчастную дочь никто не ищет, – ответил Бергман.

Судя по едва заметной улыбке, словам клиентки он не очень доверял.

– Это правда? Я дружбу имею в виду, – задала я очередной вопрос, на этот раз ответил Димка:

– Судя по всему, да. Я нашел несколько фоток, где они вместе культурно отдыхают.

– В бане парятся?

– Ничего подобного. Вместе рыбачат. Хотя, может, и парятся. Но фото в бане не нашел.

– Женщины нет уже месяц, от нее до сих пор никаких вестей. Неудивительно, что клиентка подозревает зятя. Нашим конкурентам накопать что-нибудь удалось?

– Непохоже, что особо продвинулись. Боровская звонит

им каждый день, ответ один: работаем. Но пока никаких результатов. Потеряшками занимаются в другом месте, но чисто теоретически повлиять на поиски друг Зорина мог.

– Мог покрывать убийцу? – усмехнулась я.

– Я этого не говорил, – обиделся Димка. – Просто… ты сама сказала: тетку понять можно. А тут еще у зятя такие знакомства. По мнению обывателей, у нас все решают деньги и связи. У Зорина есть и то и другое.

– Если Зорин к исчезновению жены непричастен, то наверняка обратился к другу с просьбой бросить все силы на ее поиски. Хотя друг и без просьб все сделает. Так? – Бергман и Поэт кивнули, Клим слушал с безучастным видом. – И если результата нет до сих пор…

– Значит, дело у нас непростое, и каждую копейку придется отработать, – весело сказал Димка.

– Ужас, – фыркнула я.

– Ты еще самого интересного не знаешь, – порадовал Поэт. – Первая жена Зорина пропала десять лет назад. И о ней до сих пор ни слуху ни духу.

– Шутишь? – нахмурилась я.

– Если бы. Боровская оттого и прибежала к нам. Она бы, по ее словам, и раньше пришла, не особо веря, что в полиции будут заняты поисками круглосуточно, да не желала иметь дело со всякими сомнительными личностями. Именно так она назвала частных детективов. Но потом ей порекомендовали нас. Бывший наш клиент, кстати. И любезно предупре-

дил, что услуги наши стоят дорого. Зато есть результат.

– Не сглазь, – усмехнулась я. Димка торопливо плюнул через левое плечо. – По первой жене сведения есть?

– Общие. Фамилия, имя… ну и то, что Боровская рассказала. А она, по сути, и сама ничего не знает. Типа, понятия не имела, что первая супруга исчезла, считала Зорина вдовцом, иначе бы дочь ни за что за него не выдала. Добрые люди просветили ее уже слишком поздно: после свадьбы. Зятя до недавнего времени считала приличным человеком. Но после исчезновения дочери… в общем, сами понимаете…

– Интересно, как к этому обстоятельству отнеслись в полиции? Я исчезновение первой жены имею в виду, – покачала я головой.

– Наверняка с подозрением, – сказал Бергман. – И если Зорин до сих пор на свободе, значит, улик против него нет.

– Или наша оперная дива права: деньги и связи решают все.

– Выходит, речь идет о Синей Бороде, – впервые подал голос Клим.

Произнес он это с усмешкой, а вот Бергман ответил совершенно серьезно:

– Похоже, что так.

– Его первой женой я займусь, – вновь заговорил Димка. – Надеюсь отыскать что-то стоящее. Пока времени не было.

Тут раздался звонок по внутреннему телефону. Дом у Бергмана большой, так что внутренний телефон скорее

необходимость, учитывая, что Лионелла дама в возрасте. Если честно, удивляюсь, как ей удается содержать хозяйство в образцовом порядке. Не иначе как без магии не обошлось.

Я мысленно добавила «ха-ха», а Лионелла между тем сообщила Джокеру:

– К вам посетитель. Госпожа Боровская.

Джокер обвел нас взглядом и ответил:

– Проводите ее в кабинет.

– Незапланированный визит? – спросила я.

Бергман кивнул.

– Сегодня мы должны были встретиться с Зориным. Возможно, идея Боровской обратиться к нам не нашла у него понимания. Идемте.

Мы отправились в кабинет Бергмана, предназначенный для приема посетителей. Максимильян шел впереди, Клим замыкал шествие. Димка, воспользовавшись случаем, взял меня за руку и сказал с улыбкой:

– Не представляешь, как я рад тебя видеть. Без тебя тут такая тоска, хоть вешайся.

– Ты что же, здесь живешь?

– Да, – чуть замешкавшись, кивнул он. – Джокер говорит, места всем хватит, чего ж зря деньги тратить?

Уверена, дело вовсе не в деньгах. Джокер экономить не привык, а тут и деньги не его. Скорее всего, хочет держать нас, что называется, на глазах. Но об этом я предпочла промолчать, и в ответ только кивнула.

Клим заметно отстал. Я повернулась, чтобы взглянуть, где он, а он усмехнулся, точно хотел сказать: «Не доверяешь?»

«Не доверяю», – подумала я, выдержав его взгляд.

Боровская уже ждала нас в кабинете. Я увидела полную даму в темно-синем платье и меховой горжетке. Пышная прическа, макияж, точно она собралась на сцену. Пальцы увешаны перстнями. Однако вульгарно она не выглядела. Напротив, все в ней казалось гармоничным. Породистое лицо красивым не назовешь, но располагающим – вне всякого сомнения. К такой, как Боровская, даже горластая торговка не обратится «женщина», скорее всего и вовсе рот при ней открыть не посмеет.

В общем, продуманность образа я оценила. Она как нельзя лучше соответствовала моим представлениям об оперной диве.

Евдокия Семеновна с достоинством поздоровалась, когда мы вошли, но, несмотря на умение держать себя в руках, я сразу почувствовала: посетительница очень взволнована. Причем не просто взволнована, она еще и гневается. Надеюсь, не на нас.

– С этими господами вы уже знакомы, – ответив на ее приветствие, произнес Бергман. – А это Лена, наш сотрудник.

– Очень приятно, милочка, – кивнула Боровская.

Голос у нее был глубокий, красивый. Мы расселись полукругом в креслах, Бергман занял место за столом.

– Сегодня мы намеревались встретиться с вашим зятем, –

не торопясь начал Бергман.

– Именно поэтому я здесь, – сказала Евдокия Семеновна. – Я разговаривала с ним, несколько часов назад. И если у меня еще оставались какие-то сомнения в его причастности, то теперь… Господи, что он сделал с моей дочерью… – Выдержка ей изменила, и она заплакала, вытащив кружевной платок из рукава платья.

– Будем надеяться на лучшее, – без особой уверенности сказал Бергман. – Воды?

Я поднялась, налила воды из графина, стоявшего на столе Бергмана, и подала стакан женщине. Она сделала несколько глотков и с благодарностью вернула мне стакан.

– Извините. Все эти недели я… это просто ад. Моя единственная дочь… Ради бога, найдите ее.

– Мы сделаем все возможное. Так что ваш зять…

– Когда я сказала о своих намерениях… о вас… он только что дурой меня не назвал. Твердил, что это глупость. Розыском пропавших должны заниматься профессионалы, частные детективы лишь тянут деньги из доверчивых граждан. И прочее в том же духе. Я ему напомнила, что это мои деньги. И не ему их считать.

– Он отказался встретиться с нами?

– Так прямо не сказал, но, думаю, найдет предлог не встречаться. Зять с дочкой жили в загородном доме, это совсем недалеко от вас, двадцать минут на машине, деревня Зацепино. Сейчас это городской микрорайон. У них там,

можно сказать, усадьба. Мой муж, царство ему небесное, – тут она торопливо перекрестилась, – купил участок рядом и построил для нас дом. Совсем небольшой. Знаете, хотелось быть ближе к дочке, но при этом не досаждать своим присутствием. – Бергман согласно кивнул, а она продолжила: – Так вот. Я после смерти мужа там не живу. Не по себе мне там, да и не люблю я природу, если честно. Мужу нравилось, а мне в городе куда лучше. Театр рядом, приятельницы зайдут… А там… в общем, дом пустует. Там отдельный вход, участки друг от друга отделяет живая изгородь, каждый вроде бы сам по себе, но вы сможете наблюдать за этим типом, если поселитесь там. Как вам идея? Его я в известность уже поставила.

– И как он к этому отнесся?

– Трубку бросил. Но если уж он о моих деньгах печется, должен войти в положение. Иначе вообще продам дом за бесценок. Цыганской семье из двадцати человек.

По тому, как она произнесла последние слова, становилось ясно: это не пустые угрозы. Вполне может. Зятю стоило вести себя осмотрительнее.

– Что скажете? – спросила она.

– Скорее всего, мы воспользуемся вашим предложением, – кивнул Бергман.

– Вот и отлично. Я не сомневаюсь, ему есть что скрывать.

– Они давно женаты? – спросила я.

Евдокия Семеновна посмотрела с некоторым недоумени-

ем. Мысли ее занимал зять, и простой вопрос вызвал растерянность. Но после небольшой заминки она все же ответила:

– Шесть лет. То есть официально пять. Он ждал, когда его первую жену признают мертвой. Мне дочка говорила, хотят проверить свои чувства. Заморочил ей голову.

– То есть об исчезновении его жены вы тогда ничего не знали? – с сомнением спросила я.

И в самом деле, поверить в такое трудно. История наверняка получила огласку, а такой человек, как покойный супруг Евдокии Семеновны, был просто обязан поинтересоваться прошлым зятя.

– Муж знал, – словно нехотя ответила Боровская. – Да мне не сказал. Расстраивать не хотел. Дочка от любви к этому типу голову потеряла. С ней-то муж поговорил. Да что толку? Потом добрые люди мне донесли. Но было поздно. Если б даже я тогда знала… никто бы не смог отговорить мою дочку. У нее характер. И ничего о вине Зорина она бы слушать не стала. Сказать по чести, его, конечно, подозревали, но не особо. И дело широкой огласки не приобрело. Его первая жена была не в себе. В психбольнице лежала. И после этого была под постоянным наблюдением. В один прекрасный день просто взяла и ушла из дома. Неизвестно куда. Сначала думали, объявится. Она и до этого уходила, а потом вроде как ничего не помнила. То ее на вокзале найдут, то в соседнем городе. В общем, с головой у нее беда. Ну и тут поначалу надеялись. А потом ясно стало: на этот раз беда случилась.

Либо встретился на пути какой-то негодяй, либо… сама с собой что-то сделала.

– До этого у нее были попытки покончить жизнь самоубийством? – задал вопрос Бергман.

Евдокия Семеновна кивнула.

– Думаю, да. Не зря ее в психушку упекли. Хотя точно ничего не знаю. Зорин о ней помалкивал, мол, вдовец и вдовец. И я с расспросами не лезла, чужое горе уважала. Даже когда узнала, что пропала она, а не умерла. Никаких претензий к зятю у меня не было. Жили они хорошо, он Нелли любил… мне так казалось. А что раньше было, в конце концов, дело не мое. Это теперь все по-другому видится… – Она вздохнула и убрала носовой платок, который все это время мяла в руках.

– Они в браке пять лет, детьми, как я поняла, не обзавелись? – вновь полезла я с вопросом.

– Ну… у Зорина есть дочь. А Нелли не спешила, говорила, для себя хотели пожить. Но по мне, это отговорки. Думаю, Зорин с детьми не спешил, а Нелли под его дудку танцевала.

– Почему вы так решили?

– Дочери уже двадцать восемь. Когда рожать-то? Муж есть, деньги тоже, и что за причина тянуть? Дочка обычно отшучивалась, а Зорин разговоры на эту тему не любил, вот я и подумала… Либо какие-то проблемы у него, либо просто детей не хочет. Есть такие мужики, кому пеленки-коляски как черту ладан. Тем более у него-то ребенок уже есть.

– Вы говорили, отношения между супругами были хорошие…

– Да. До последнего времени.

– А в последнее время?

– Не знаю. Дочка нервничала, настроение плохое, а в чем причина… От зятя тоже ничего толком не добьешься. Он и так не особо разговорчив, а тут и вовсе молчал как рыба. Одно вам могу сказать: у него кто-то был. На стороне, я имею в виду.

– Откуда такая уверенность? – спросила я.

– Я, милая, жизнь прожила. И знаю, что за черная кошка между супругами пробегает. И муж мой мог себе позволить, да и я… не без греха, одним словом.

– В своей дочери вы, как я поняла, не сомневаетесь?

– Не сомневаюсь. Она за него по любви пошла. И если себе вдруг что-то позволила, так только с горя. В отместку. А вот в его любви у меня теперь сильные сомнения. Первая жена его в одночасье сиротой осталась. Родители погибли в авиакатастрофе. С бабкой жила. А вот наследство ей оставили немалое. И отошло оно кому? Зорину. Стал бы с женой разводиться, к примеру, пришлось бы с денежками проститься. А здесь, нет жены, и вопросов нет. И с моей дочерью ему тоже разводиться совсем невыгодно. Мой покойный муж был человеком большого ума, государственного. И позаботился о том, чтобы какой-нибудь прощелыга дочку с разбитым корытом не оставил. Инвестировал деньги в бизнес Зорина, и

по закону Нелли такая же хозяйка, как и он сам. Я во всем этом-то не очень смыслю, но если дочь решила бы с ним развестись… В общем, развод ему точно не нужен. Уж поверьте. А вот ее исчезновение… Сами подумайте, у него пять лет есть, чтоб все как надо в делах подчистить. Меня он к ним раньше этого срока на пушечный выстрел не подпустит. Да и куда мне с ним тягаться. С ним, да с адвокатами его. Конечно, адвокатов я тоже найму, да вот никому из них не верю. Деньги-то возьмут, и что? А через пять лет может так случиться, что и делить-то будет нечего. Но это не главное. Деньги – тьфу, с собой в гроб не возьмешь, а вот дочка… На вас вся надежда, – заключила она и вновь потянулась за платком.

– С дочерью Зорина у Нелли какие были отношения?

Боровская на минуту задумалась.

– Нормальные. Инга – тихая, учится хорошо. Ее и в доме почти не видно. Вот вы сейчас спросили, а мне и ответить-то нечего… живет ребенок в доме, а ее вроде как и нет. Я ее с дочкой почти никогда не видела. То уроки учит, то гуляет. И Нелли о ней никогда не говорила. Бедный ребенок, – вдруг заключила она. – Никто ею не занимался. Папаша самоустранился, и Нелли, скорее всего, тоже. Я ее не оправдываю. И себя тоже, кстати. Могла бы на ребенка внимание обратить, а мне и дела нет. Господи, прости нас всех, грешных.

Наш разговор продолжался еще минут пятнадцать. Боровская уехала, оставив ключи от своего дома, а мы некоторое

время молчали.

– Что скажете? – прервал тишину Бергман.

– А что тут скажешь? – пожал Димка плечами. – Зорин вполне мог от женушки избавиться. Если Евдокия права и развод мог больно ударить его по кошельку. Все это я проверю.

Бергман достал из верхнего ящика стола фотографию и молча протянул мне. На фото молодая женщина с породистым лицом. Длинные темные волосы, уверенный взгляд.

– Нелли? – спросила я, взяв фотографию.

Бергман кивнул.

С минуту я вглядывалась в лицо на фотографии.

– Жива? – не выдержал Димка, наблюдая за мной.

– Среди мертвых ее точно нет, – вдруг с усмешкой заявил Клим.

Все дружно на него уставились, а он равнодушно пожал плечами.

– Он прав, – вздохнула я. – Женщина жива, по крайней мере, пока жива.

– У нас что, теперь два экстрасенса? – уставившись на Бергмана в некотором недоумении, спросил Димка.

– Я бы сказала, три, – съязвила я, намекая на способности Бергмана как явные, так и те, что он не торопился афишировать.

– Я сказал, ее нет среди мертвых, – вновь усмехнулся Клим. – Все прочее не по моей части.

– А у тебя что, прямая связь с загробным миром? – попробовал пошутить Димка, настороженно глядя на Клима, в голосе скорее беспокойство, а не сомнение.

– Иногда позванивают, – съязвил Клим.

Тут я обратила внимание на Бергмана, точнее на его реакцию. Лицо его оставалось бесстрастным, но во взгляде мелькнуло нечто похожее на досаду, или мне лишь показалось?

– Охренеть, – хихикнул Димка. – Похоже, из нормальных здесь только я. Или наоборот? Один недоделанный на всю компанию? – заключительную фразу он произнес уже со злостью, и я поспешила вмешаться:

– Не болтай ерунды.

– Что еще можешь сказать? – кивнув на фото, спросил Бергман, как видно, не желая отвлекаться от темы.

– Ничего, – отмахнулась я.

– Не торопись.

Я взглянула на него, а потом вновь сосредоточилась на фотографии. Через пару минут бросила ее на стол, повторив:

– Ничего.

– Не густо, – съязвил Клим. – Я думал, Девушка поведает, где ее следует искать. Гребли бы деньги лопатой, не выходя из кабинета.

– Попробуй сам, – ответила я. – Вдруг у тебя получится ее разговорить.

– Эй, ребята, – нахмурился Димка. – Что вы завелись, в

самом деле?

В этот момент зазвонил телефон, Бергман снял трубку. Звонил, как выяснилось, Зорин. На разговор с ним Бергман потратил меньше минуты.

– Что сказал? – задал вопрос Димка, когда Бергман вернул трубку на место. – Мы морочим старушке голову, намереваясь поживиться?

– Не угадал. Он готов принять нас в своем доме в пятнадцать ноль-ноль.

– Одумался, значит?

– Если Нелли жива, то бояться ему вроде бы нечего, – пожал Бергман плечами.

– Разумеется, если он не держит ее в подземелье, закованной в цепи.

– Может, тетке стоит сказать, что с дочкой все не так плохо? – спросил Димка.

– Мы должны найти ее дочь, а не рассказывать о своих видениях, – сказал Клим с неизменной усмешкой. – Или пренебрегать и этим не стоит? Приплюсуем энную сумму за добрые вести?

– Обойдемся, – ответил Бергман с завидным терпением.

Если Клим решил проверить его выдержку, то зря. Ничего ему в этом смысле не светит.

– Поэт собирает информацию. Мы отправляемся с восемнадцати часов на встречу.

– Втроем? – спросила я.

Клим смотрел с ухмылкой.

– Да, – сказал Максимильян. – Сравним впечатления. А пока дам распоряжение Лионелле Викторовне по поводу обеда.

– У меня дела, – поднялся Клим. – Встретимся позднее. – И направился к двери.

Я дождалась, когда стихнут шаги на лестнице, и спросила:

– Ты уверен, что его присутствие поможет в работе?

Димка при этих словах смутился, точно спросила я о чем-то неприличном.

– Мы привыкли работать вчетвером, – сказал Максимильян. – По-моему, логично, что он займет место Воина.

– Чушь. Он не Воин. Он вообще не пойми кто…

– Тебя задело, что он сказал по поводу фотографии? – робко вклинился Димка.

– Нисколько. Если б у него было желание работать с нами, его возможный дар лишь порадовал бы. Но ему плевать и на нас, и на расследование. Только у меня такое впечатление?

Бергман откинулся на спинку кресла и немного помолчал.

– Надо дать ему время.

– Для чего?

– Послушай, – заговорил Димка. – Мы знаем, как ты переживаешь из-за Воина. Мы все переживаем. Но, может, не стоит любое слово Клима воспринимать в штыки?

– Ага. Учитывая, что говорит он мало… – язвительно заметила я. – Напрягаться особо не придется.

Бергман переглянулся с Димкой, и тот сказал, поднимаясь:

– Пойду к себе.

Дождавшись, когда за ним закроется дверь, я сказала с вызовом:

– Ну?

Бергман улыбнулся, вышел из-за стола и, наклонившись, поцеловал меня в лоб.

– Бесконечно рад, что ты вернулась.

– Не увиливай. Зачем тебе нужен Клим? Ты всерьез думаешь, что мы без него не справимся?

– Тебе нелегко быть рядом с ним? – пройдясь по кабинету, задал он вопрос, игнорируя мой.

Я только головой покачала.

– А ты как думаешь?

– То есть ты так и не определилась в своем отношении к нему?

– Почему же? Вполне определилась. Я считаю, для нас обоих будет лучше держаться друг от друга подальше.

– Ты считала его врагом. Но теперь мы знаем, что это не так.

– По-твоему, он демонстрировал большую дружбу полчаса назад?

– Он тоже считал нас врагами. К тому же, не привык работать в команде.

– И не желает подчиняться, – сказала я.

– Подчиняться? – удивился Бергман.

– Мы считаем тебя бесспорным лидером. Он – нет.

– Ну и что? Я вовсе не горю желанием командовать. Лишь бы делу была польза. Куда больше меня беспокоит твоя неуверенность… если это не просто слова…

– Подожди, – я поднялась и шагнула к нему, преграждая дорогу. Теперь мы стояли друг напротив друга. – Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, если речь идет о твоей интуиции, то к ней стоит прислушаться.

– О господи, – пробормотала я. – Ты… ты сомневаешься, что Воин… Ты сомневаешься? По-твоему, Клим каким-то образом нас провел? И по этой причине ты решил держать его на глазах?

– В любом случае, к нему стоит приглядеться.

– То есть Воин погиб, но ничего, в сущности, не изменилось? И мы по-прежнему гадаем на кофейной гуще?

– Если остаются хоть малейшие сомнения… Мы не имеем права успокоиться, пока не будем знать наверняка. И я тебя прошу: не будь слишком строга к нему. Если он один из нас, то такого отношения не заслуживает. А если враг… это лишь заставит его быть осторожнее.

– Вот как? Может, тогда затащить его в постель, вдруг разговорится?

– Клим не из тех, кто размякнет от женской ласки, забыв обо всем на свете. – Он обнял меня и прижал к себе. – По-

терпи. Со временем станет легче. Так всегда бывает.

– Да. Наверное, – кивнула я, отстраняясь, и направилась к двери. – Встретимся за обедом.

– Куда ты? – спросил Бергман, недовольства в голосе не ощущалось, просто вопрос.

– Загляну к Василию Кузьмичу. Поздороваться.

Попасть в магазин из дома было невозможно, впрочем, и в этом я не особо уверена, точнее, почти уверена: есть скрытый ход, о котором Бергман предпочел молчать. Я по опыту знала: «дом с чертями» полон загадок.

Фасад дома развернут к площади, в магазин вели дубовые двери с затейливой резьбой, рядом кнопка переговорного устройства. Войти в магазин не так просто, если ты не являешься постоянным клиентом. Как минимум нужно приглянуться его хранителю Василию Кузьмичу (назвать старика продавцом язык не поворачивался). Именно он решал, может ли кто-то войти в «святая святых» или таковая честь не для него.

Никакой системы в выборе потенциальных клиентов я не заметила. Он мог открыть подростку со скейтом под мышкой и игнорировать по всем статьям солидного господина. Но, должно быть, какая-то логика все же была.

Клим сказал как-то: с Бергманом всегда его слуги: Кот и Сова. Сова следит за порядком в доме, а Кот охраняет ближние рубежи. Бог знает, что он имел в виду, но, взглянув

на улыбающегося Василия Кузьмича, который вышел меня встречать, я подумала: он в самом деле похож на кота. Не на крупного, сытого, и оттого ленивого, а мудрого, ученого и чуть насмешливого. Такие коты встречаются в мультиках: сухонькие, подвижные и непременно в очочках.

– Леночка, – пропел он и, ухватив мою руку, с чувством ее поцеловал.

– Здравствуйте, мой прекрасный рыцарь, – засмеялась я, успев привыкнуть к его великосветским манерам.

– Как я рад вновь вас видеть. Признаться, ваш отъезд очень меня огорчил. Хозяин пытался меня утешить, заверяя, что вы непременно вернетесь, но в моем возрасте даже недолгая разлука пугает. Кто знает, сколько мне отпущено. Чаю?

– С удовольствием.

Мы прошли в закуток, где Василий Кузьмич оборудовал нечто вроде кабинета.

Направляясь туда, я успела заприметить двух постоянных посетителей (местного краеведа и преподавателя истории из школы по соседству) и трех незнакомцев. Одному было лет двадцать, другому около пятидесяти, третьей была молодая женщина, она оглядывалась едва ли не с испугом.

В торговом зале были не только книги. На стенах картины, судя по всему, старые, в шкафах то, что Бергман в шутку называл всяким хламом, от астролябий и древних карт до макетов парусников. Страстью Максимильяна были старин-

ные книги об игральных картах, но они хранились не здесь, а в его кабинете.

– Сегодня у вас многолюдно, – сказала я, устраиваясь за столом.

– Да. Слава богу, люди продолжают испытывать почтение к книгам.

– Женщина выглядит слегка растерянной.

– Раньше она была колдуньей, – разливая чай, весело сказал Василий Кузьмич. – Но все забыла, а глубинная память не дает ей покоя.

– Глубинная память?

– Да. Память о наших прошлых воплощениях.

– Вот как?

– Когда-то с бедняжкой обошлись очень сурово. Сожгли заживо после пыток. Смерть могла бы стать для нее избавлением, если б сама по себе не была столь ужасна. Вот она и заблокировала воспоминания. Они рвутся наружу и не дают ей покоя.

– Очень интересно. И как вы все это узнали? Если память ее заблокирована!

– Когда она пришла во второй раз, здесь был хозяин. Он и увидел.

– А на ее казни он, случайно, не присутствовал? – съязвила я, по привычке начиная злиться на Бергмана за его выкрутасы. – Помните, я как-то сказала: Максимильяну в Средние века была прямая дорога на костер, а вы ответили, что из

него получился бы лучший охотник на ведьм, то есть инквизитор.

– Помню, как же, – засмеялся Василий Кузьмич. – Кстати, возможно, вы и правы. Я о присутствии хозяина на казни. Увидев его здесь, бедняжка упала в обморок. Хотели вызвать «Скорую», но обошлись нашатырем.

– Вы серьезно?

– Разве шутят такими вещами? С тех пор она приходит ежедневно.

– Он помог ей вспомнить? – спросила я уже серьезно.

– Нет, – вздохнул Василий Кузьмич. – И я не знаю причину, по которой он этого не сделал. Но посещать магазин разрешил.

– Бедная женщина, – сказала я, сама толком не зная, что имею в виду.

Если бы Бергман предложил ей помощь, у меня был бы повод обвинить его в том, что он морочит женщине голову. Но если без этого обошлось, то повода нет. Но стоило мне вспомнить, с каким лицом она смотрела по сторонам, там, в зале, и тут же хотелось обвинить Бергмана в бессердечии.

«Все это чушь», – призвала я себя к порядку, прихлебывая чай.

– Значит, вы вернулись, – отставив в сторону свою чашку, с неизменной улыбкой сказал Василий Кузьмич. – Новое дело?

– Да. Встреча с клиентом закончилась недавно.

– Надеюсь, некоторые перемены пойдут на пользу.

– Что вы имеете в виду? – спросила я.

Он пожал плечами, уже жалея, что заговорил об этом.

– Новый член команды представляется мне очень серьезным человеком, – все-таки произнес он.

– Серьезным – это да. Похоже, он из тех, кто никогда не улыбается.

– Не мне давать советы хозяину, особенно в таком деле, но…

– Но? – сказала я, чувствуя, что пауза затягивается.

– Я видел его лишь однажды… и, признаться, мне стало не по себе.

– Точно сама смерть идет с ним под руку? – усмехнулась я.

– Точнее и не скажешь.

– У него нелегкий характер, а в остальном он обычный парень, просто привык держать людей на расстоянии.

– Вы меня успокоили, – покивал Василий Кузьмич. – Последнее время я то и дело о нем думал… Успел, как видите, бог знает что нафантазировать.

Примерно полчаса мы говорили о книгах. Выпили еще по чашке чая.

– Рада была повидаться, – наконец сказала я, поднимаясь.

– Не забывайте старика, Леночка, приходите почаще.

– Обязательно.

Василий Кузьмич проводил меня до дверей.

Бросив взгляд в торговый зал, я вновь увидела женщину.

Она стояла напротив одной из старинных карт, не сводя с нее глаз, точно вдруг окаменев, лицо кривилось от напряжения, и я вновь подумала: «Бедная женщина».

Простилась с Василием Кузьмичом и поспешила на улицу, хотелось вдохнуть полной грудью холодный воздух.

Застегивая на ходу куртку, я направилась вдоль площади, решив прогуляться. Мысленно я то и дело возвращалась к женщине в магазине.

– Далась она тебе, – в досаде хмыкнула я. – Кстати, впереди зима, и не худо бы купить куртку потеплее.

В этот момент я почувствовала взгляд и не спеша повернулась. Я была почти уверена, что увижу за спиной ту самую женщину. Но интуиция подвела. Среди прохожих ее не было. Я шарила взглядом в толпе, пока не заметила машину, припаркованную в нескольких метрах от меня. «Мерседес» глубокого черного цвета.

– Черт бы тебя побрал, – сквозь зубы пробормотала я, разумеется, вовсе не машину имея в виду.

Он хотел, чтобы я его «почувствовала». Интересно зачем?

Через мгновение из машины вышел Клим, распахнул заднюю дверцу и замер, глядя на меня. Чертыхнувшись вторично, я направилась к нему. Молча села на заднее сиденье, Клим захлопнул дверцу, обошел «Мерседес» и сел рядом со мной. Он смотрел в лобовое стекло, вроде бы забыв о моем присутствии, с разговорами точно не спешил.

– Если есть что сказать, начинай, – не выдержала я.

– Ему не пришлось тебя долго уговаривать, – усмехнулся Клим, по-прежнему не глядя на меня.

– Это все?

– Собираешься жить в его доме?

– Пока не найду квартиру.

– Этим можно заняться прямо сейчас. Помочь?

– Я справлюсь.

Он усмехнулся.

– Его дом – настоящая крепость. Твой Поэт его практически не покидает.

– Он домосед.

– Ну, разумеется, – вновь усмешка.

– А ты переезжать не собираешься? – спросила я.

На сей раз он повернулся.

– Ты понимаешь, что в доме ему легко вас контролировать?

– Значит, не собираешься, – кивнула я.

– Ты могла бы жить у меня, – вдруг сказал он.

– Не могла бы.

– В смерти своего обожаемого Воина ты меня винишь? – криво усмехнулся он. – Почему не Бергмана?

– Вас обоих, если тебе от этого легче. Ты такой же чокнутый, как и он, так что не вижу смысла менять его дом на твою квартиру. Честно говоря, ты мне представляешься еще большим психом. Кстати, ты умудрился напугать старика-букиниста.

– Слугу Бергмана?

– Слугу, если тебе так больше нравится. Мы сошлись во мнении, что ты ходишь со смертью под ручку.

– Я больше ничего не умею, – заявил он.

– В смысле? – слегка растерялась я.

– Убивать – это единственное, что я умею делать хорошо.

– Это ты о прошлой жизни? – спросила я.

Если честно, слова его произвели впечатление, по спине пошел холод, точно кто-то коснулся ее ледяной рукой.

Он едва заметно поморщился.

– Мы обречены повторять свою судьбу. Разве нет?

– Вот уж не знаю. Послушай, раньше только Бергман донимал меня подобными разговорами. Двоих я точно не потяну. Если уж наша миссия выполнена, не пора ли зажить спокойно? Без этих сказок…

Я взялась за ручку двери, собираясь выйти, Клим никак на это не реагировал.

– Ты ему не доверяешь, – сказала я со вздохом. – Тогда какого черта согласился работать с нами?

Ответ на этот вопрос я знала, и не ждала, что он ответит. Однако Клим смог удивить, он ответил, но совсем не так, как я думала.

– Причина в тебе. Не делай вид, что этого не знаешь.

– Во мне?

– Мы разыгрываем один и тот же спектакль. В разных декорациях.

– Как же, помню, – хмыкнула я. – Я непременно тебя предам, а ты с упорством маньяка будешь преследовать меня и моего любовника. Может, стоит изменить сюжет? Ну, хоть попытаться?

Я торопливо вышла и в сердцах захлопнула дверь.

– Достали вы меня, – пробормотала я, направляясь к дому. Чем без толку болтаться по улице, лучше заняться поисками квартиры.

Оказавшись в своей комнате, я в самом деле открыла сайт объявлений о сдаче квартир, и даже сделала несколько звонков.

Мысли мои при этом блуждали довольно далеко отсюда. Бергман и Клим друг другу не доверяют, это ясно. Причина в соперничестве, нежелании признать чье-то лидерство или все куда хуже, и в действительности и тот, и другой сомневаются, что Вадим – тот самый заклятый враг.

Получается, что смерть Вадима бессмысленна и ничего не меняет? А если они и правда маньяки и не успокоятся до тех пор, пока мы друг за другом не скончаемся?

Клим был уверен, заклятый враг – Бергман, и сейчас видеть в нем друга или хотя бы коллегу по работе ему затруднительно. Нечто подобное происходит и с Максимильяном. Наверное, он прав: должно пройти время, чтобы все успокоились и научились смотреть друг на друга иными глазами.

Обедали мы втроем.

– Василий Кузьмич показал тебе мое новое приобретение? – спросил Максимильян, когда мы пили кофе.

– Нет. А что за приобретение?

– Солидный труд по истории карточных игр одного испанца. Старик его не упомянул? Наверное, так обрадовался твоему возвращению, что попросту забыл.

– В магазине я видела женщину, Василий Кузьмич сказал, что когда-то она была колдуньей. То есть это ты так решил.

Странное дело, упоминание о женщине Бергману не понравилось, он нахмурился, но тут же пожал плечами.

Поняв, что он не ответит, я продолжила:

– Увидев тебя, женщина упала в обморок.

– Серьезно? – подал голос Поэт.

– Кого только не встретишь у старика, – покачал головой Максимильян. – Она разглядывала гравюры, ты их тоже видела. Ведьмы варят зелье, устраивают шабаш и прочее в том же духе. Я подошел, должно быть, она так увлеклась, что меня не заметила, и я ее попросту напугал, она резко повернулась и действительно лишилась сознания. Вот я и пошутил, что в прошлой жизни она была ведьмой.

– И ее сожгли на костре?

– Незавидный конец, но вполне предсказуемый.

– То есть это тоже шутка?

– Она тебя заинтересовала? – задал вопрос Бергман и теперь смотрел очень серьезно.

– Мне показалось, она немного не в себе, – пожала я пле-

чами.

– Надо будет сказать старику, чтобы он ее больше не пускал.

– Она что, может быть одной из нас? – вновь вмешался Димка. – Я хотел сказать, помнит что-то из своей прошлой жизни? Видит сны?

– Сомневаюсь, Девушка права, скорее всего, она просто не в себе. Что ж, – Максимильян взглянул на часы, – через полчаса отправляемся к Зорину.

Бергман поднялся и, кивнув нам, покинул комнату.

– Чего-то я не понял с этой теткой… – сказал Димка. – Джокер как будто не доволен, что ты о ней заговорила. Значит, ты была в магазине? А я думал, встречалась с Климом.

– С чего ты взял?

– Видел из окна его машину. Выходит, он тебя не дождался?

– Выходит… – Я вздохнула и продолжила: – На самом деле мы виделись.

– И что он тебе сказал?

– Предложил помочь с квартирой.

– Ну да. Ему наверняка не понравится, если ты здесь задержишься. Будет куда проще, если ты станешь жить одна. Или у него?

Данное замечание я пропустила мимо ушей, хотя видела: Димка с напряжением ждет ответа.

– Они не особо друг друга жалуют, – сказала я. – И все же

решили работать вместе.

Соколов пожал плечами.

– Без Воина придется нелегко. Может, Джокер решил, что Клим способен его заменить? В расследовании, я имею в виду.

– Уверена, вы и вдвоем прекрасно справитесь.

– Ну, не скажи… Ладно, я пошел. Работы полно.

Димка удалился, а вскоре в столовой возникла Лионелла.

«Мне тоже пора выметаться», – решила я.

– Хотите, помогу вам с уборкой? – предложила я и удостоилась сурового взгляда.

Как видно, недавняя радость от моего появления приказала долго жить.

– Мы едем вдвоем? – спросила я, садясь в машину рядом с Максимильяном.

– Клим ждет нас возле дома клиента.

Вскоре мы оказались в пригороде. Сейчас все здесь выглядело довольно уныло. Не спасали даже зеленые изгороди из туй и дорожки, выложенные ярко-желтой плиткой.

На небольшой парковке возле въезда в поселок я заметила машину Клима. Бергман притормозил, и Клим, выйдя из машины, направился к нам. Он сел на заднее сиденье, и Бергман тронулся с места. Около шлагбаума он опять притормозил. Назвал охраннику адрес, и нас пропустили. Как видно, охрана была предупреждена.

– Попасть на территорию проще простого, – сказал Клим. – Перемахнуть через забор – не проблема. Видеокамеры на въезде и еще три по периметру. Пользы от них никакой, обойти их труда не составит. Но происшествий в поселке не было. Ни одной кражи. Все тихо и благопристойно. В общем, земной рай.

– Если не считать исчезновения Нелли Зориной, – сказала я. – Кстати, как это произошло?

– Спросишь у несчастного супруга, – ответил Максимильян.

Мы не спеша ехали по улице, застроенной особняками. Впрочем, встречались и обычные коттеджи. Большинство домов окружала зеленая изгородь, правда, кое-где она маскировала вполне добротные заборы.

– Вы только посмотрите, – с усмешкой произнес Клим, кивком указав влево, я взглянула в том направлении и присвистнула.

Один из домов выделялся на общем фоне. Вернее, он был, точно бельмо на глазу.

Фасад – готическая башня из темного камня со стрельчатыми окнами, к которому пристроено прямоугольное здание с крышей-мансардой. Горгульи тоже присутствовали. В целом выглядело это крайне нелепо, но при этом мрачно. Общий вид вызвал беспокойство и сомнения в здравомыслии хозяина.

– Не перевелись еще на свете чудаки, – покачал головой

Клим, а Бергман уверенно свернул на дорожку, ведущую к готическому монстру.

– Это дом Зорина? – спросила я с сомнением.

– Он самый, – кивнул Максимильян.

Подъезд к дому преграждал шлагбаум. При нашем приближении его подняли. В окне второго этажа я увидела мужчину, который наблюдал за нами.

– Как впечатление? – спросил Бергман, притормозив на круглой площадке перед гаражом.

– Замок Синей Бороды, – вздохнула я.

В центре площадки шестиконечная звезда, выложенная желтым камнем.

– Не знаю, как насчет Синей Бороды, но со вкусом у хозяина проблемы.

Я вышла из машины, и теперь дом показался мне не просто мрачным. Он словно таил угрозу.

– Я бы из такого дома тоже сбежала, – сказала я.

– Вот как? – сказал Бергман.

– Девушка права, – оглядываясь, заметил Клим. – Это тебе, друг наш, с чертями привычно. А нормального человека оторопь берет.

Я поморщилась, это высказывание неожиданно задело: и то, что он назвал меня Девушкой, прозвищем, которое было в ходу у прежней четверки, и насмешливое «друг наш», и намек на жилище Бергмана.

– Горгульи, как и химеры, несут охранную функцию, –

равнодушно ответил Максимильян, Клим вновь усмехнулся.

– Ага. Любопытно, что они охраняют.

– Счастьем в доме не пахнет, это совершенно точно, – сказала я.

Оба кивнули, соглашаясь.

В этот момент на крыльце появился мужчина в джинсах и толстовке. Аккуратная бородка, коротко стриженные волосы, совсем седые. А вот загорелое лицо выглядело молодым. Просторная толстовка не скрывала, что лишних килограммов пятнадцать он успел набрать.

– Здравствуйте, – приветствовал нас мужчина, направляясь навстречу.

Взгляд его метнулся от Бергмана к Климу. Максимильян протянул руку и представился.

– Зорин Максим Александрович, – ответил мужчина. – Можно просто Максим.

– Гунар, – сказал Клим, вслед за Бергманом пожимая руку хозяина.

– А красивая девушка, ваша сотрудница?

– Елена, – подхватил Максимильян.

– Прошу в дом. Как, кстати, впечатление? – со смешком поинтересовался Зорин.

– Чрезвычайно оригинально, – ответил Бергман с серьезным видом.

– Да вы дипломат, – засмеялся Зорин. – Идея принадлежит моей первой жене. Она зачитывалась в детстве приклю-

ченческими романами. Знаете, драконы, вампиры…

– Вампиры – это, скорее, мистика, чем приключения, – заметила я.

– Да? Я не силен в литературе, извините. Пробовал продать дом, но за бесценок отдавать не хочется, а за разумные деньги покупателя не нашлось.

Между тем мы вошли в дом.

Я ожидала, что и внутри стиль будет выдержан, и ошиблась. За исключением стрельчатых окон все здесь было вполне современно. Белые стены, светлый мрамор на полу, хрустальная люстра с множеством лампочек. На стене абстрактное полотно.

– Попытался сделать дом пригодным для жизни, – сказал Зорин.

В нем чувствовалась нервозность, но отнюдь не тревога. И уж тем более не страх.

– Мой кабинет на втором этаже.

Я с любопытством огляделась: лестницы в холле не было. Он толкнул ближайшую к нам дверь, и я увидела узкий проход в стене с каменными ступенями.

– Будьте осторожны, – сказал он. – Лестница крутая и ужасно неудобная. Правда, я привык. Пару лет назад сделал лифт, но редко им пользуюсь.

Пока мы поднимались на второй этаж, меня не покидало чувство, что я нахожусь на экскурсии в каком-нибудь средневековом замке, однако стоило оказаться в кабинете, как

декорации изменились.

Кабинет занимал все пространство второго этажа той самой башни. На стрельчатых окнах римские шторы веселого оранжевого цвета. Круглый ковер на полу, мягкие диваны. Слева огромный камин, справа – письменный стол внушительных размеров. В простенках между окон полки с книгами.

Учитывая, что хозяин не знаток литературы, по его собственным словам, а на полках в основном художественная литература, книги здесь скорее для декора.

В целом кабинет мне понравился, и хозяин, без сомнения, проводит здесь свободное время охотно.

Почувствовав себя в привычной атмосфере, он понемногу успокоился.

– Выпьете? – предложил Зорин, открывая дверцу резного шкафа, оказавшегося баром.

– За рулем, – ответил Бергман, а Клим согласно кивнул.

Я от выпивки тоже отказалась.

Мы с Бергманом устроились на диване, Зорин и Клим в креслах напротив. Зорин протянул стакан с виски Климу, сделал глоток и поставил свой стакан на низкий журнальный столик.

– Значит, у вас была моя теща? Представляю, что она наговорила.

– Учитывая обстоятельства, госпожу Боровскую нетрудно понять, – мягко ответил Бергман. – В ее положении люди

готовы воспользоваться любой возможностью…

– Ну да. Особенно если денег не жалко. У тещи денег куры не клюют. Муженек был тот еще пройдоха. Хапал, как говорится, ртом и задницей. Прошу прощения, – кивнул он мне. – Никто из нас не произнес ни слова, и Зорин после заминки продолжил: – Я навел о вас справки. Слава богу, что она не нашла каких-то проходимцев. У вас, насколько я понял, не бывает неудач.

– Неудачи бывают у всех, – пожал Бергман плечами.

– Кстати, моей первой жене очень нравился наш дом, – улыбнулся Зорин. – Думаю, этому факту в немалой степени я обязан тем, что теперь живу здесь.

– Для средней полосы России стиль довольно экзотический, если не сказать, что совсем уж редкий.

– Ага. Свой дом теща вам сдала? Я хотел сказать, якобы сдала?

Бергман кивнул, а Максим Александрович головой покачал, нервно фыркнув.

– Она всерьез считает, что у меня есть страшные тайны? Совсем из ума выжила. Думаю, ее этот гаденыш настраивает.

– Гаденыш? – решила уточнить я.

– Ну да. Она вам о своем любовнике не рассказала? Выдает его за врача, без которого она, само собой, обойтись не может. На самом деле он массажист. И наверняка в лечении преуспел. Моя жена его терпеть не могла, она не раз ссорилась с матерью, как раз из-за этого прохвоста. Старая баба

с молодым любовником – жалкое зрелище, хотя в общем-то все банально. Жена боялась, он оберет старуху до нитки, а я только посмеивался. Но теперь, думаю, зря. Вполне вероятно, у гаденыша далеко идущие планы. Прибрать к рукам не только старухины деньги, но и наши с женой.

– Обвинить вас в убийстве жены и завладеть имуществом? – спросила я.

– Вот именно. Почему бы и нет? У меня из близких – только дочь, совсем ребенок. Уморит старушку и окажется в шоколаде. Личная жизнь тещи меня не касается, а вот, что она во всем его слушает… и наши отношения заметно испортились…

– По признанию госпожи Боровской, до исчезновения дочери она относилась к вам с симпатией.

– Вот-вот. А теперь я – злейший враг. С чего бы вдруг?

– В ситуации, вроде вашей, муж – всегда первый подозреваемый, – сказал Клим.

– Разумеется, – фыркнул он. – Хотя полицейские эту идею уже оставили. Может, по инерции еще и сомневаются, но вряд ли считают меня злодеем. Зато теща точно с цепи сорвалась. Она небось уже успела сказать, что в доме по ночам чуть ли не черти пляшут?

Мы переглянулись, и Бергман ответил:

– Ничего подобного.

– Да? Ну, хоть ума хватило глупости не болтать.

– И что ее заставило так думать? – задала я вопрос, вызвав

у Зорина досаду. Он, без сомнений, уже жалел, что заговорил об этом.

– Ерунда. Моя первая жена увлекалась эзотерикой. В доме были книги… я на них внимания не обращал. Теща, я имею в виду Евдокию, углядела книжку по черной магии. Что-то вроде руководства. Я после этого собрал все книжки Иды в пустой комнате, в мансарде. Выбросить не рискнул, чтобы дочь не обидеть. Все-таки это вещи ее покойной матери и, выходит, что я от них избавляюсь.

– Вашу первую жену звали Ида? – задала я вопрос.

– Аделаида. Редкое имя. По-моему, красивое. Но я звал ее Идой. Так удобнее.

– Она пропала десять лет назад.

– Именно, – он сложил руки на груди, с вызовом глядя на меня. – И что?

– Можно узнать, при каких обстоятельствах это произошло?

– Можно. Я был на работе. Ничего, как говорится, не предвещало. Жена отправилась с дочкой на прогулку. Мне позвонил неизвестный мужчина с мобильного жены. Сказал, что обнаружил мою дочь в прогулочной коляске. Девочка была совершенно одна. Начала плакать. Он попытался успокоить ребенка, узнать, где мама и папа. Оббежал парк с вопросом, не видел ли кто нерадивых родителей. В конце концов вызвал полицию. Потом обратил внимание на мобильный в руках ребенка, нашел контакт «Любимый» и позво-

нил. Я бросился в парк, полиция к тому моменту уже приехала. Домой я позвонил еще по дороге. Дома жены не оказалось. Я обзванивал подруг и знакомых, больницы, а потом и морги. Какое-то время я еще надеялся, что она вернется, что это какое-то дикое недоразумение. Ее искали, но не нашли. Я ожидал звонка с требованием выкупа… Чего только не успел передумать. Но никаких звонков не было. Она просто исчезла.

– Вашей дочери было четыре года. Вы пытались с ней поговорить?

– Конечно. Инга сказала, они гуляли в парке. Потом мама посадила ее в коляску, и она уснула. А когда проснулась, рядом никого не было.

– И никаких следов вашей супруги?

– Никаких. Она просто исчезла. Белым днем в центре большого города. Кошмарная история, как считаете? Она не была наркоманкой, и мы не ссорились. Я до сих пор пытаюсь понять, что тогда случилось. На мое счастье, у меня было алиби, я никуда не отлучался с работы, постоянно на глазах у десятка сотрудников, плюс камеры на входе… Но я не в обиде. Сейчас все, похоже, повторяется. Нелли, это моя вторая жена, уехала в парикмахерскую, но к мастеру не попала и домой не вернулась. Что произошло по дороге из пункта «А» в пункт «Б», неизвестно. Машину обнаружили через несколько дней, в лесополосе рядом с городом. В машине не было следов крови, ничего подозрительного. Отпечатки

пальцев мои и Нелли. Правое крыло помято. Но об аварии никто не заявлял.

– Камеры по пути от дома в парикмахерскую проверили? – спросил Бергман.

Зорин чуть поморщился.

– Только одна камера, на перекрестке.

– И что?

– Жена свернула направо, – с неохотой ответил он. – Хотя должна была ехать прямо, если собиралась попасть в парикмахерскую.

– То есть, вполне вероятно, она сказала неправду?

Зорин развел руками.

– Возможно, она просто решила куда-то заскочить по дороге. Почему бы и нет?

– В самом деле, – кивнул Бергман. – У вас были хорошие отношения?

– Да. Это не значит, что мы никогда не ссорились. У Нелли характер не из легких. Но, в общем, все было неплохо. Особенно в последнее время.

– Характер – это понятно, – заговорил Клим. – И женщине для ссоры особого повода не нужно, это тоже всем известно. Но…

– Мы не ссорились, – перебил Зорин. – И никакого повода, чтобы вдруг исчезнуть, тоже не было. По доброй воле, я хотел сказать. С требованием выкупа не звонили ни мне, ни матери. Вы знаете, – вдруг хихикнул он, – кое-кто уже окре-

стил меня Синей Бородой. И в самом деле… вторая жена исчезает неизвестно куда.

– Скажите, вы считаете, что вашей жены нет в живых? – спросила я.

– Вы о какой жене? – нахмурился он. – Если о первой, то я не сомневаюсь, она погибла. Столько времени прошло. Если бы… хоть что-то за эти годы непременно бы всплыло. Так?

– А Нелли?

– Надеюсь, она жива. Хотя… месяц – это срок. Как считаете? Запомните главное: я не виноват. Можете копаться во всем этом на здоровье. Тем более что платит старуха. Единственная просьба – не беспокоить мою дочь. Ей, знаете, и так досталось. Все кому не лень лезут с вопросами: куда делась мачеха? У нее сейчас такой возраст… В общем, лучше ее не тревожить.

– Какие у них были отношения с мачехой? – спросил Бергман.

– Честно? – Зорин вздохнул. – Никаких. Жили в одном доме каждая сама по себе. Я надеялся, что Нелли найдет к девочке подход. Не думаю, что это было бы трудно. Инга – спокойный ребенок, на редкость послушный. С ней никогда не было проблем. Родную мать она не помнит, а вот в материнском тепле, безусловно, нуждается. Но Нелли не было до нее никакого дела. До свадьбы она хотя бы уделяла ей немного времени, а потом попросту не обращала на Ингу внимания. И сколько я ни просил… в общем, все бесполезно.

– Из-за этого вы обычно ссорились? – сказала я.

– Не только. Она маниакально ревнива. И часто устраивала скандалы на пустом месте. За пять лет я уволил трех секретарш. Решил, что с меня хватит, и взял секретарем молодого парня. Как, вы думаете, отреагировала Нелли? Поинтересовалась, не сменил ли я ориентацию. В общем, ничего не выиграл. Тем более что и работником парень оказался никудышным. Его я тоже уволил. Пригрозил, что ей придется самой работать у меня секретарем, только после этого Нелли угомонилась.

– То есть все ее подозрения были абсолютно беспочвенны? – взглянул исподлобья Бергман.

– Абсолютно. У меня нет и не было никаких любовниц с момента вступления в брак. Мне, знаете, нервов на работе хватает, семья для меня – тихая пристань. Вот только не очень-то везет… Повторяю еще раз: никакой вины я за собой не знаю. Буду очень благодарен, если вы разыщите мою жену или хотя бы установите, что произошло. Находиться в неведении – худшее из испытаний, уж можете мне поверить. Я готов оказать вам любую поддержку, ответить на любые вопросы. Если хотите, можете поселиться не в доме тещи, а здесь. Я все равно редко выхожу из кабинета… – Тут он хохотнул, дав понять, что предложение не более чем шутка.

– Что ж, с вашего позволения, мы устроимся в доме госпожи Боровской. Обещаем не досаждать вам лишний раз своим вниманием. Спасибо, что уделили нам время.

Бергман поднялся, вслед за ним встали мы с Климом, а потом и хозяин.

– Я провожу вас к дому тещи. Она дала вам ключи?

Максимильян кивнул, и мы направились к выходу.

Спускаясь по узкой лестнице, я вдруг услышала странный звук, похожий на завывание ветра.

– Что это? – спросила я Зорина.

– Точно где-то собака воет? – хмыкнул он. – Сам не знаю. Временами в доме слышны какие-то подозрительные звуки. Должно быть, дефект при строительстве. Мне говорили, такое бывает.

– Я правильно поняла, вы пытались найти причину?

Зорин, стоя внизу, смотрел на меня с сомнением.

– Да. И что?

– Я подумала, ночью здесь, наверное, жутковато.

– Ночью я сплю, милая девушка. Так упашешься за день, что могут хоть волки над ухом выть. Я сплю как убитый.

– В кабинете?

– Последний месяц – да, – неохотно ответил он, продолжая смотреть с сомнением, точно ожидая подвоха. – До этого в супружеской спальне.

– Можно взглянуть на нее?

– Да, пожалуйста, – усмехнулся он.

Оказавшись в холле, мы прошли к двухстворчатой двери, которая вела в длинный коридор. Справа лестница на второй этаж, вполне себе обыкновенная, с деревянными балясина-

ми, выкрашенными в белый цвет.

За третьей по счету дверью оказалась спальня хозяев. Огромная кровать круглой формы, застеленная покрывалом из искусственного меха под леопарда. Груда подушек. На стенах многочисленные фотографии в дорогих рамах. Почти на всех Нелли.

Выглядела настоящей красавицей. Многие фото довольно откровенные. Впрочем, висят они в супружеской спальне, а не в гостиной, так что почему бы и нет.

Лишь на одной рядом с Нелли Зорин. Позировал он с явной неохотой, может, потому, что считал затею глупой, а может, понимал: рядом с женой он выглядит далеко не выигрышно.

Зорин стоял в дверях без намека на какие-либо эмоции, точно эта комната не имела к нему никакого отношения.

– Наши с Нелли вкусы не всегда совпадали, – сказал он. – Я терпеть не могу все эти леопардовые шкуры. И кровать предпочел бы обычную. Но с женой никогда не спорил. По крайней мере, из-за пустяков.

– Спасибо, – сказала я, покидая спальню, чем вызвала у него легкую растерянность.

Бог знает, чего он ждал. Что я устрою здесь обыск, или начну задавать вопросы об их сексуальной жизни? Вполне возможно, он сделал заключение, что сюда меня привело банальное любопытство.

– Больше вас в доме ничего не интересует? – немного

ворчливо осведомился он.

– Комната вашей дочери на втором этаже?

– Да. И я просил вас оставить мою дочь в покое.

– Когда ваша жена уезжала в парикмахерскую, кто-нибудь находился в доме? – уже на крыльце задала я вопрос.

– Ну да, дочка. И домработница. Ей она про парикмахерскую и сказала.

– Надеюсь, с домработницей мы сможем поговорить?

– Если она этого захочет. В любом случае, сейчас ее здесь нет.

– Она не живет в доме?

– В этом нет необходимости. У нее своя квартира и… не так уж много работы по дому… Нам лучше пройти через сад.

– Благодарю, – с улыбкой ответил Бергман, вроде бы не обращая внимания на некоторую язвительность в голосе Зорина.

Два участка разделяла стена из невысоких туй, ближе к забору виднелся проход. А рядом – калитка. Точно такую же калитку мы обнаружили и на соседнем участке. Он, кстати, был больше зоринского, а вот дом оперной дивы намного скромнее. На открытой веранде плетеные кресла из пластика. На зиму их не потрудились убрать. На стеклянном столике блюдце с семечками, должно быть, оставленное для птиц.

Бергман открывал дверь, когда я почувствовала чей-то взгляд и, повернувшись, увидела возле кустов гортензии девочку в ярко-красной куртке, она внимательно наблюдала за

нами.

– Привет, – сказала я.

Мужчины молча смотрели на нее, не торопясь входить в дом.

– Вы кто? – спросила девочка, глядя на нас исподлобья.

– Снимаем дом у Евдокии Семеновны. Немного поживем здесь. Ты не против?

– А если против, вы что, уедете? – хмыкнула она.

– Мы постараемся вам не мешать, – улыбнулась я. – Заходи в гости.

– Папа говорит, что Евдокия выжила из ума.

– Это он тебе сказал?

– Нет. Но я слышала. Зачем ей сдавать дом? У нее ведь есть деньги.

– Богатые люди тоже могут сдавать дома, если они по большей части пустуют.

– Папа говорит, она это делает назло.

Я не успела ответить, девочка быстро протиснулась между туй и скрылась на соседнем участке.

– Ну, вот и познакомились, – усмехнулся Бергман, входя в дом.

Мы не спеша прошлись по первому этажу, затем поднялись в мансарду. Там оказалось три спальни. Небольшие комнаты, каждая со своим санузлом. Стены отделаны деревом, на окнах плотные шторы, на кроватях покрывала, собранные из лоскутков. Несмотря на старание хозяйки сде-

лать помещения уютными, комнаты выглядели нежилыми. На первом этаже кухня-столовая и гостиная. Окно в пол выходило на открытую веранду. Мягкая мебель, телевизор в углу.

Бросив пальто на спинку кресла, Бергман сел, закинул ногу на ногу и, глядя в окно, спросил:

– Какие впечатления от беседы с Зориным?

Я опустилась в кресло рядом, сняв куртку. Клим, не раздеваясь, замер возле окна, спиной к нам.

Мы с Бергманом смотрели на него, ожидая ответа, он повернулся и сказал:

– Непохоже, что он чего-то боится. Раздражен – это да, что вполне естественно: самодеятельность тещи ему не нравится. И наше соседство тоже.

– По-твоему, мужику просто не повезло, что жены вдруг исчезают без видимой причины?

– Я этого не говорил, – усмехнулся Клим. – Причина наверняка есть. Возможно, он ее знает.

– Он считает, что его первая жена мертва, – сказала я. – А вот насчет второй… Лично я считаю, он уверен в обратном.

– Она жива-здорова? – задал вопрос Бергман.

– Насчет здоровья ничего сказать не могу. Но он совершенно точно убежден, что она жива.

– И по этой причине не рад тещиной инициативе?

Я пожала плечами.

– И что мы, по-вашему, имеем? Похищение с целью вы-

купа? Парень боится навредить жене и оттого помалкивает?

– Или сам держит ее под замком, – усмехнулся Клим. – Почему нет?

– А причина?

– Понятия не имею. Допустим, ему необходимо время для неких действий…

– Чтобы оставить ее ни с чем после развода? Сомнительно, учитывая деятельную натуру тещи.

– Теща в бизнесе не разбирается. Кстати, я бы занялся ее массажистом, или кто он ей там. И присмотрел за Зориным.

Бергман согласно кивнул, в этот момент у него зазвонил мобильный. Звонил, как выяснилось, Димка.

Бергман включил громкую связь.

– Я тут покопался в соцсетях, – сказал Поэт, – и нашел кое-что интересное. После исчезновения жены Зорин обратился за помощью… что вполне понятно.

– Тогда что в этом интересного?

– Комментарии. Точнее, один комментарий. Вот, послушайте. «Крокодиловы слезы льет человек, на счету которого не одна загубленная душа. Точнее, три. Я не ошибаюсь, Максим Александрович?»

– Занятно. И кто оставил комментарий?

– Княжна Тараканова.

– Можешь узнать, кто прячется за ником?

– Уже. Гаврилюк Оксана Сергеевна. Училась с Зориным в одном университете, правда, он на два года старше. Жи-

вет, кстати, неподалеку от Зорина. Адрес сброшу эсэмэской. Вдруг захочешь поговорить с ней.

– Непременно. У нашей клиентки, по словам зятя, есть массажист, по совместительству – сердечный друг.

– Фамилию знаешь?

– Спрашивать о нем у мадам мне бы не хотелось. А встретиться, я думаю, стоит.

– Ох, попробую его найти. Какие-нибудь сведения?

– Он намного моложе мадам. И это, пожалуй, все.

– Проверю поликлинику по месту жительства. Может, повезет?

– Удачи, – сказал Бергман и убрал мобильный. – Что ж, мы с Девушкой отправляемся к «княжне Таракановой», ты приглядываешь за Зориным. – При этих словах Клим едва заметно усмехнулся, однако согласно кивнул. – Встречаемся здесь.

– Хочешь быть поближе к подозреваемому?

– Грех пренебрегать такой возможностью.

Дом мы покинули и направились к «Ягуару» Бергмана.

– Он бы предпочел остаться с тобой, – вдруг сказал Максимильян, а я усмехнулась:

– Думаешь?

– Уверен.

– Тебе не кажется, что новый член команды создает слишком много трудностей?

– Что ты имеешь в виду? – вроде бы удивился Бергман.

– Тебе бы не пришло в голову задаваться вопросом, что понравилось бы Воину, а что нет.

– Мы были друзьями, а Клим… И ты, и я знаем, здесь он только из-за тебя.

– Сомневаюсь, – буркнула я.

Максимильян нахмурился, но разговор предпочел оставить.

– Посмотри адрес, – сказал он, когда мы тронулись с места.

Бергман протянул мне свой мобильный, я открыла сообщение и продиктовала адрес Княжны Тараканової.

Димка был прав, жила она неподалеку. Однако, в отличие от жилого комплекса Зорина, район выглядел далеко не презентабельно.

Сразу после моста начиналась узенькая улочка, застроенная однотипными трехэтажными домами. Нас интересовал тот, что под номером 32. В единственном подъезде было девять квартир, мы поднялись на второй этаж и позвонили в дверь с цифрой «4».

Ждать пришлось довольно долго. Из-за двери не доносилось ни звука, но я была уверена, кто-то внимательно разглядывает нас в дверной глазок.

– Оксана Сергеевна! – громко позвал Бергман.

С полминуты было тихо, потом щелкнул замок, и дверь приоткрылась.

– Что вам надо? – спросила женщина.

Я видела только седые волосы и настороженные глаза.

– Поговорить о Зорине, если вы не против.

– О каком еще Зорине? – В голосе появился страх.

– Зорин Максим Александрович. Неужели не помните? Вы ведь, кажется, дружили когда-то?

– Ничего подобного, – отрезала она и добавила: – Это он вас прислал?

– Нет. Мы расследуем исчезновение его жены.

– Вы из полиции?

– Мы – частные сыщики, и готовы компенсировать ваше время, потраченное на беседу с нами. Любая сумма. В разумных пределах, разумеется.

– Я вам не верю, – дверь она не закрывала и выжидающе смотрела на нас.

– Чему конкретно не верите? – вежливо поинтересовался Бергман.

– Откуда вы обо мне узнали? Он сказал? Чушь. Он небось обо мне и не помнит.

– Может, мы продолжим беседу в более подходящем месте? В кафе, например? Я видел неподалеку вполне приличное.

– Ладно, заходите.

Женщина распахнула дверь. Мы вошли в тесную прихожую.

Гаврилюк набрала номер на своем мобильном, отошла в

сторону и сказала:

– Ко мне тут пришли. Перезвони через полчасика. Если что, сообщи в полицию.

Я была уверена, слова эти адресовались исключительно нам, никому в реальности она не звонила, но после этого заметно успокоилась.

Бергман помог мне снять куртку и повесил вместе со своим пальто на допотопную вешалку. На стене рядом висел календарь пятилетней давности. Фото котиков успело выцвести. Гостиная выглядела также безрадостно, мебель из ДСП, потертый диван, на столе возле окна новенький ноутбук.

– Садитесь, – указала она на диван.

Сама предпочла стул, стоявший возле двери, старательно держась подальше от нас.

– Вы про деньги просто так сказали? – нахмурилась она.

– Вовсе нет, – Бергман достал купюру и, приподнявшись, положил на стол. – Это для начала. Если ваш рассказ покажется нам интересным…

– Он точно не знает, что вы здесь? – перебила она, быстро подошла и сунула банкноту в карман вязаной кофты, которую надела поверх цветастого халата.

В квартире, как я успела заметить, было довольно прохладно.

– Вы Зорина имеете в виду? – уточнил Бергман.

– Кого же еще?

– Наш клиент – его теща. И о своих действиях ставить его

в известность мы не обязаны.

– Теща? Вот как… Получается, она его подозревает?

– Мы пытаемся найти госпожу Зорину. И надеемся на вашу помощь, – несколько устало произнес Максимильян.

Оксана кивнула, точно соглашаясь, и тут же спросила:

– Как вы меня нашли?

– Это было совсем нетрудно. – Бергман кивнул на компьютер. – Много времени проводите в сети?

– Я инвалид второй группы. На приличную работу не берут, а полы мыть за копейки здоровье не позволяет. Приходится перебиваться случайными заработками. Муж ушел, как только меня из больницы выписали. Оказывается, у него давно была семья на стороне. Вот так. Мужики – сволочи. Я на нервной почве инфаркт перенесла. Это в придачу к раку груди. А он машину забрал и все деньги, что были. Хорошо хоть эта квартира моих родителей, а то бы половину точно отсудил.

Лицо ее нервно кривилось, в глазах ненависть, то ли к бывшему мужу, то ли ко всему миру в комплексе.

Димка сказал, она моложе Зорина на два года, но выглядела лет на десять старше. Худая, неряшливая, с растрепанными седыми волосами, даже без ее рассказа становилось ясно: жизнь ее не особо радовала.

– Расскажите нам о Зорине, – попросил Бергман.

– Ну да. Кому интересны мои проблемы. Я Зорина сто лет не видела. Особо рассказывать нечего, если вас не интересу-

ют его студенческие годы…

– Почему же, интересуют. Вы учились вместе?

– Он на два года старше. Слушайте, я правда мало что знаю… – вздохнула она.

– А как же ваш комментарий? – Женщина замерла, во все глаза глядя на Максимильяна. – Я имею в виду, загубленные души?

– С чего вы взяли? Какой комментарий?

– Если хотите, я процитирую дословно.

– Не надо, – отмахнулась она. – Зорин догадался, что это я. Да?

– Вы, должно быть, не поняли. Этот вопрос с господином Зориным мы не обсуждали. Использование ника вместо собственного имени – вовсе не гарантия анонимности.

– Ну да, я написала этот комментарий. И что? – разозлилась Гаврилюк.

– Он нас весьма заинтересовал. Что неудивительно, учитывая произошедшее с его женой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.